

3 (15) 2024

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., профессор, СВФУ, Якутск, РФ.

Заместитель главного редактора: *О. И. Иванова*, к. филол. н., доцент, СВФУ, Якутск, РФ.

Выпускающий редактор *В. Е. Степанова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, РФ.

Члены редакционной коллегии:

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, РФ;

В. А. Бигуаа, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

У. А. Донгак, к. филол. н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, РФ;

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, РФ;

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, РФ;

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, РФ;

Б. Т. Койчугев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан;

Р. А. Кудрявцева, д. филол. н., профессор, Марийский государственный университет, РФ;

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан;

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, РФ;

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, РФ;

Б. Б. Манджиева, д. филол. н., Калмыцкий научный центр РАН, РФ;

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, РФ;

М. Х. Надергулов, д. филол. н., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, РФ;

В. Б. Озкан, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., Российский государственный гуманитарный университет, РФ;

Ж. В. Охлопкова, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Л. Н. Романова, к. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, РФ;

Л. Н. Савина, д. филол. н., доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, РФ;

Л. И. Сазонова, д. филол. н., ИМЛИ РАН, РФ;

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, РФ;

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Казахстан;

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., доцент, СВФУ, РФ;

Н. А. Хубитдинова, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, РФ.

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Телефон: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

<https://www.litteraesvfu.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-83020 выдано 31 марта 2022 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The Online edition is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Deputy Chief Editor: *O. I. Ivanova*, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Issuing Editor: *V. E. Stepanova*, Cand. Sci. in Philology, NEFU, Yakutsk, Russian Federation.

Members of the Editorial Board:

K. K. Bauaev, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation;

V. A. Biguaa, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

A. A. Burtsev, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

L. P. Grigoryeva, Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

U. A. Dongak, Cand. Sci. in Philology, Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Russian Federation;

L. S. Efimova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

V. V. Illarionov, Dr. Sci. in Philology, Professor, NEFU, Russian Federation;

S. S. Imikhelova, Dr. Sci. in Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation;

I. A. Kerimov, Dr. Sci. in Philology, Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation;

B. T. Koichuev, Dr. Sci. in Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan;

R. A. Kudryavtseva, Dr. Sci. in Philology, Professor, Mari State University, Russian Federation;

R. G. Kuliyeva, Dr. Sci. in Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan;

S. O. Kuryanov, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation;

N. S. Mainagasheva, Cand. Sci. in Philology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation;

B. B. Mandzhieva, Dr. Sci. in Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

O. A. Melnichuk, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

L. Kh. Mukhametzyanova, Dr. Sci. in Philology, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Republic of Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation;

N. Kh. Nadergulov, Dr. Sci. in Philology, Ufa Federal Research Center of RAS, Russian Federation;

V. B. Ozkan, Dr. Sci. in Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

V. B. Okorokova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

Y. B. Orlitskiy, Dr. Sci. in Philology, Russian State University for the Humanities, Russian Federation;

Zh. V. Okhlopova, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

N. V. Pokatilova, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

L. N. Romanova, Cand. Sci. in Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russian Federation;

L. N. Savina, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Federation;

L. I. Sazonova, Doctor of Philology, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

V. G. Semenova, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

K. K. Sultanov, Dr. Sci. in Philology, Professor, Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation;

Yu. G. Khazankovich, Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, NEFU, Russian Federation;

A. T. Khamraev, Dr. Sci. in Philology, Professor, M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Kazakhstan;

N. A. Khubbitdinova, Dr. Sci. in Philology, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Telephone: +7 (4112) 49-67-54

<https://www.litteraefvf.ru>

Registration certificate ЭЛ No ФЦ 77-83020 issued 31 March 2022 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

<i>Egorova S. I.</i> The main ideas in the appeals of national classics to their peoples: A. Kunanbaev and A. Kulakovsky.....	5
<i>Куличкина М. В., Антонова Е. А.</i> Тема любви и красоты в творчестве С. Москвитина.....	10
<i>Ноева С. Е.</i> Образ “железного города” в якутской прозе XX века.....	19
<i>Шапауов А. К., Шапауова А. А., Туrowsкая Е. И., Кабыкен М. А.</i> Художественные особенности речи персонажей в драматических произведениях.....	28

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Ощепкова А. И., Кривобок Д. Д.</i> Поэтика пейзажа поздней прозы К. Паустовского.....	35
--	----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

<i>Охлопкова Н. В., Иванова С. В.</i> Особенности языка поэтических произведений П. А. Ойунского.....	46
---	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>Андросова Т. Л.</i> Сопоставительный анализ двух редакций рассказа В. Гаврильевой о Красной Шапочке и Сером Волке, Манчаары и Кэрэ Кэтириис.....	53
---	----

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Рябинина М. В.</i> Новая монография о марийском романе.....	59
--	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Тесцов С. В.</i> К юбилею профессора СВФУ Анатолия Алексеевича Бурцева.....	62
--	----

CONTENT

LITERARY STUDIES. LITERARY CRITICISM

<i>Егорова С. И.</i> Основные идеи в обращениях национальных классиков к своим народам:	
<i>А. Кунанбаев и А. Кулаковский</i>	5
<i>Kulichkina M. V., Antonova E. A.</i> The theme of love and beauty in the works by S. Moskvitin.....	10
<i>Noeva S. E.</i> The image of the “iron city” in the Yakut prose of the twentieth century.....	19
<i>Shapauov A.K., A.A. Shapauova A.A., Turovskaya E.I., Kabyken M.A.</i> Artistic features of the characters’ speech in dramatic works.....	28

FOLKLORE IN LITERATURE. POETICS

<i>Oshepkova A. I., Krivobok D. D.</i> The poetics of the landscape of Konstantin Paustovsky’s late prose.....	35
--	----

ARTISTIC LANGUAGE. POETRY STUDIES

<i>Okhlopkova N. V., Ivanova S. V.</i> Features of the language of Platon Oyunsky’s poetic works.....	46
---	----

SOURCE STUDIES. TEXTOLOGY

<i>Androsova T. L.</i> Comparative analysis of two editions of the story by Valentina Gavrilieva about Little Red Riding Hood and the Gray Wolf, Manchaary and Kere Katiris.....	53
--	----

REVIEW

<i>Ryabinina M. V.</i> New monograph about the Mari novel.....	59
--	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Testsov S. V.</i> In commemoration of the jubilee of the NEFU professor Anatoly Alexeevich Burtsev.....	62
--	----

– ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА –

УДК 821.512.157 Кулаковский.09
DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-5-9

**The main ideas in the appeals of national classics to their peoples:
Abai Kunanbaev and Aleksei Kulakovsky**

S. I. Egorova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ sargi@mail.ru

Abstract. The article aims to make a comparative analysis of the works of Abai Kunanbaev "Words of edification" [1] and Aleksei Kulakovsky "To the Yakut Intelligentsia" [2]. The relevance of the article lies in the fact that no such comparative work has been undertaken before. The purpose of the work is to note in these works similar ideas in meaning, so significant in the spiritual heritage of the appeals of the poet – thinkers, directly addressed to their people. The idea that these messages have similar thoughts and problems is substantiated, and examples are given. Special attention is paid to the content of these works. This problem has been little studied and requires further research. This view will be of interest to specialists in the field of humanities.

Keywords: genres, tradition, national classics, history, literature, Abai Kunanbaev, Aleksei Kulakovsky, "Words of Edification", "To the Yakut Intelligentsia".

For citation: Egorova S. I. The main ideas in the appeals of national classics to their peoples: Abai Kunanbaev and Aleksei Kulakovsky. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 5–9. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-5-9

**Основные идеи в обращениях национальных классиков
к своим народам: А.Кунанбаев и А.Кулаковский**

С. И. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ sargi@mail.ru

Аннотация. В статье ставится задача сделать сравнительно-сопоставительный анализ произведений Абая Кунанбаева «Слова назидания» [1] и Алексея Кулаковского «Якутской интеллигенции» [2]. Актуальность статьи заключается в том, что ранее не были предприняты подобные сопоставительные работы. Цель работы: отмечать в данных произведениях схожие по смыслу идеи, столь значительных в духовном наследии обращений поэтов-мыслителей, непосредственно адресованных их родному народу. Обосновывается идея о том, что эти послания имеют схожие мысли, проблемы, приводятся примеры. Особое внимание уделено содержанию этих произведений. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований. Такой взгляд будет интересен специалистам в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: жанры, традиции, национальная классика, история, литература, Абай Кунанбаев, Алексей Кулаковский, «Слова назидания», «Якутской интеллигенции».

Для цитирования: Егорова С. И. Основные идеи в обращениях национальных классиков к своим народам: А. Кунанбаев и А. Кулаковский. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024, № 3 (15). С. 5–9. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-5-9

Introduction

This article attempts to provide a comparative analysis of the work of the Kazakh writer Abai Kunanbayev (1845–1904) "Words of Edification" and the epistles of the classic of Yakut literature Aleksei Kulakovsky (1877–1826) "To the Yakut Intelligentsia". The Yakut people are proud of their great son, as well as the Kazakh people – Abai Kunanbayev. It is they, recognized great poets of their time, who in the message of the "To the Yakut Intelligentsia" and in the work "Words of Edification" reveal the pain for the fate of their people. The relevance of the article lies in the fact that no such comparative work has been undertaken before. The purpose of the work is to note in these works similar ideas in meaning, so significant in the spiritual heritage of the appeals of the poet – thinkers, directly addressed to their native people.

Abai Kunanbayev is one of the first figures of the Kazakh enlightenment, a fervent fighter for culture and freedom, the founder of Kazakh literature, its first classic, sage, the greatest thinker of the Kazakh people, educator and democrat, herald of friendship between the Russian and Kazakh peoples, calls his people to an irreconcilable struggle against darkness and ignorance. The legacy of the great Abai – the pinnacle of Kazakh classical poetry – is huge. An important place in it is occupied by "Kara soz" ("Words of Edification"), written in 1890–1898, contains 45 short parables.

Comparative analysis of texts of national classics

Aleksei Eliseevich Kulakovsky is the founder of Yakut literature, an outstanding Yakut thinker of the early 20th century, educator, humanist philosopher. Kulakovsky is a poet who lived and worked in a key era of the development of Yakut literature, when the ethnic identity of the people was formed and the main problems of its spirituality became relevant, a unique social stratum – the intelligentsia – was formed. In 1910–1917, the philosophical, socio – economic views of Kulakovsky were formed. He created the main artistic works of Yakut literature and the main socio–philosophical work – a letter to the "To the Yakut Intelligentsia", which reflect the author's life principles, conceptual views on the development and enlightenment of the people through the reasonable organization of socio–economic relations in society. As Professor Georgy Basharin noted, Aleksei Eliseevich Kulakovsky's letter is one of the important cultural monuments of pre-Soviet Yakutia. Reflecting various aspects of the economy, economy and culture, it has great scientific and educational significance. The work of the "To the Yakut Intelligentsia" was written in 1912 in the village of Kachikattsy, Yakutia. This document has great socio–philosophical significance, because it is practically the only study of the Yakut society of that time. Aleksei Kulakovsky has an enduring significance for the Yakut people.

Peter Avvakumov in the article "Dyol, olaatabakhyt", where he wrote about the monument to Abai, briefly compared Abai Kunanbayev and Aleksei Kulakovsky. Avvakumov writes that these writers are the enlighteners of their peoples [3, p. 49] Both writers are the founders of their native literatures: Kunanbayev – Kazakh, Kulakovsky – Yakut. In many ways, there are similarities in the thoughts of two great people. First of all, we should talk about the history of the creation of their outstanding works. Kunanbayev wrote his first "Word" in 1890, and his last, "Forty-fifth", in 1897, 22 years later. Kulakovsky wrote a letter to the "To the Yakut Intelligentsia ", but it was published only at the end of the twentieth century, in 1992. Both works thus have much in common in the complexity and difficulty of their story.

They correspond to two genre traditions of literature: sentimentalist and educational, written in the first person. Both Kunanbayev and Kulakovsky do not have main characters, there is no one specific event. Consider the following similarities in the thoughts of great writers:

1. They, as enlightenment writers, encourage young people to learn Russian and Turkic literacy: "... it would be enough to teach them at least Turkic literacy," "You need to learn Russian grammar. The Russian language holds spiritual riches, knowledge, art and other untold secrets. To avoid the vices of Russians, to adopt their achievements, it is necessary to study their language, to comprehend their science," wrote Abai Kunanbayev [1, p. 25]. "In existing schools,

it is necessary to introduce Yakut writing, the introduction of which will take a maximum of 1 month of time per year," Kulakovsky wrote [6, p. 86]. The writers attached great importance to cultural and educational activities: the opening of public libraries, the publication of books, magazines and newspapers, the promotion of science and technology. A special role was given to the creation of fiction.

2. They understood the inevitability of the extinction of a nation without education. This thought is conveyed in the Twenty-fifth Word as follows: "It would be good to give Kazakh children an education. Enlightenment is also useful for religion", "One must study in order to learn what other nations know" [1, p. 25]. Abai Kunanbayev gives advice to the reader – "My advice to you is, you can not marry your son, do not leave him rich treasures, but be sure to give him a Russian education, even if you have to part with all the goods you have acquired. This path is worth any sacrifice". He wrote that knowledge and science are the main conditions for the formation of a moral person, that only on their basis a person can withstand life's trials with dignity and make the right decisions. If Kazakhs want to live at the level of enlightened peoples," Kunanbayev said, "they must reconsider their way of life, choose new ideological guidelines. The same idea was expressed by Kulakovsky: "We need the general development of children in a language they understand. We need at least one school in each *ulus* with a program corresponding to the actual needs of our lives. Yakut writing should also be introduced in schools" [2, p. 91]. Kunanbayev noted: "There are more than 2 billion people living on earth. Of these, there are more than 2 million of us, Kazakhs" [1, p. 10]. Kulakovsky wrote: "You, gentlemen, may think that I am obsessed with some kind of mania or suspiciousness, expressing the idea of the possibility and even the inevitability of the extinction of the Yakuts. You may think so, but I am deeply convinced of the critical situation of the Yakuts at this time" [2, p. 43]. According to Kulakovsky, the salvation of the Yakuts from extinction depended on strengthening the state of culture and the internal health of the people. Kulakovsky supported his belief in the "critical situation of the Yakuts at this time" with very strong arguments. According to the researchers, in 1897 there were 130,777 Yakuts in the Yakutsk district; 11,347 in Verkhoyansky; 62,995 in Vilyuysky; 3,330 in Kolymsky and 13,218 in Olyokminsky, a total of 221,067 people in the Yakut region. In 1917, a population census was conducted in three districts of the region – Yakutsk, Vilyuysky and Olyokminsky, according to which 207,113 Yakuts lived in them. As can be seen from the above data, in 1897, the Yakut population of these districts made 206,390 people; therefore, in 20 years the number of Yakuts in them increased by only 723 people [6, p. 9].

3. With deep interest, they raised an environmental problem: agriculture, human connection with nature, handicrafts, agriculture. Kunanbayev wrote in the Thirty-third Word: "If you want to be rich, learn a craft. Wealth runs out over time, but skill does not," "You need to work tirelessly. And they should buy two or three livestock..." [1, p. 33]. Kulakovsky in his work put forward the idea of an interconnected system of environmental management, including land use, animal husbandry, fishing and covering the entire agriculture of Yakutia. He drew attention to the irrational use of land resources: "our inept attitude to the land is more to blame than the lack of land: it was possible to live comfortably on owned land."

4. In their messages, the authors are sure that the goal of the people is to raise culture. Kunanbayev in "Words of Edification" put forward the problems of history, pedagogy, morality and law of ethnic Kazakhs. "He is a man of turning point, he had to live at a time when the thousand-year-old order of steppe culture was collapsing and new relationships and a new way of life were being established. This catastrophe, terrible and beneficent at the same time, was imprinted in his spiritual appearance, in his poetry and thought, imprinted in his spiritual appearance, in his poetry and thought, defining the organic tragedy of creativity"[4, p. 348]. Kunanbayev warns his people against judgments and actions that will spread notoriety about him around the world. He had a great influence on the nascent Kazakh national intelligentsia of the late 19th century. The poet-educator did not accept such qualities as ignorance, braggadocio, laziness,

slander, envy in his compatriots, associating them with a large number of people who think the old-fashioned way and do not want to change anything in life. In general, Kazakh culture, thanks to Kunanbayev i, was enriched with new ideas and, approaching the beginning of a new era, retained the original universalist concepts, concepts, ideas. The work "Words of Edification" represents philosophical–moralistic, socio–political and accusatory – satirical statements of the poet. This is the fruit of many years of thoughts, worries and noble spiritual impulses of Kunanbayev. Careful stylistic decoration, imaginative, precise language, the sincerity of the poet, his humanity, high aspiration, mighty wisdom, place the "Words of Edification" among the brilliant literary monuments of mankind.

5. The message of Kulakovsky testifies to the need for a democratic awakening of the national consciousness of the Sakha people. It should be noted that the author of the letter's judgments are surprisingly accurate and correct that the cultural rise of the population is almost impossible to achieve unless a decisive, consistent struggle is waged against acquired social vices: "drunkenness, gambling and tobacco smoking." The idea runs through the whole letter like a red thread that if the Yakuts do not reach the modern level of culture, do not join the achievements of universal civilization, then they are doomed to extinction. [5, p. 36]. Kulakovsky, according to patience and tolerance, is looking for the right way for his people and points out to them: "The only rational means is our cultivation and merging with the Russians, it is good that a cross with the latter gives good fruits. Cultivation would be necessary in addition to these formidable signs".

In conclusion, I would like to note that these outstanding works have great socio–philosophical significance and thus arouse great interest in society. Kulakovsky and Kunanbayev read our thoughts today from afar, wrote invaluable advice and precepts. These works are monuments of the socio-political thought of that time, the fundamental provisions of which have not lost their significance at the present time.

The similarities and structuring of the texts should be noted. For example, Kunanbayev divided his message into 45 parables, and Kulakovsky – into 7 chapters: I – "Land use", II – "Agriculture", III – "About fish", IV – "Cattle breeding", V – "School and public life", VI – "Economic conditions and enterprises", VII – "Sources of income".

Abai Kunanbayev was the spiritual eye of his people, thought and felt with them, believed in their bright future. It is gratifying that nowadays society values and respects the works of great writers. In order to perpetuate the names of Abai Kunanbayev and Aleksei Kulakovsky, the great sons of their peoples, their works are published, translated, scientific conferences, exhibitions, etc. are held. For example, we know that there is a section of world and Kazakh literary studies "Abai Studies", which studies the life and work of Abai Kunanbayev, his philosophical, aesthetic and social views. Alikhan Bokeikhanov, Akhmet Baitursynov and Mirzha Kipdulatov stood at the origins of Abai studies. The scientific Research Center "Abai Studies" was established in order to study the popularization of the life and work of the Great Kazakh poet Abai Kunanbayev and the promotion of his spiritual heritage among young people through introduction to the educational process. The initial period of the development of Abai studies consists of the first publications of Abai's works with comments and brief biographical information (1909–1917). The second period of the development of Abai studies (1918–1940) is associated with the research of M.O.Auzov, who began work on the systematization and periodization of Abai's artistic heritage. The third period of the development of Abai studies (1940–1970s) is characterized by the intensification of the study of Abai's work and translations of his works into many languages of the world. Since the 1980s, a new period of development of Abai studies has begun. Dozens of fundamental scientific papers testify to a new scientific and theoretical level of Abai studies.

The Institute of A. E. Kulakovsky, which is a structural subdivision of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, is working fruitfully in Yakutsk. The NEFU research unit was established in 2010 on the basis of the scientific research laboratory "Studying the artistic and scholarly heritage of A.E. Kulakovsky". The goals and objectives of the Institute: To carry out scientific research and experimental developments on the genesis and formation of genres,

artistic features of the national style, transcultural model of author's identity based on the materials of analyses of original texts in Yakut and Russian; preparation of an academic edition of the complete works of Kulakovsky in 9 volumes: comparative historical study of literary texts, their editions, variants and dubia in aspects of textual analysis (II vol.); preparation of author's texts from the scientific archive, real-historical, textual scientific comments on them, compilation of personalities (III–V th.). Organization and holding of regular scientific conferences, round tables, seminars on the problems of Kulakovsky's legacy in the context of the spiritual culture of Russia. In May of this year, the letter of the "To the Yakut Intelligentsia " celebrated its 100th anniversary.

Conclusion

The first president of the Sakha Republic of (Yakutia) Mikhail Nikolaev in the preface of the book "The life of wonderful people. Aleksei Kulakovsky" wrote: "It is a great honor for me, being the president of the Sakha Republic (Yakutia), to do everything possible to return to the people the honest name of its great son—poet, thinker and prophet Aleksei Eliseevich Kulakovsky. Now I'm sure it's forever."

The names of these poets are immortal, creatures do not die if their path merges with the path of their native people, if their creations call the people forward and forward.

References

1. Abai (1970) *Words of Edification*. Translated from the Kazakh by S.Sanbaev. Alma-Ata. (In Russian)
2. Kulakovsky, A.E. (2012) *To the Yakut Intelligentsia*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
3. Avvakumov, P.D. (1981) *Unforgettable Meetings. Jol, ol aata bahut*. Yakutsk. (In Russian)
4. Anastasiev, N.A. (2008) *Abai. The Life of Remarkable People*. Moscow. (In Russian)
5. Basharin, G.P. (1964) *The Writings of A.E.Kulakovsky*. Yakutsk. (In Russian)
6. Kulakovsky, A.E. (1992) *To the Yakut Intelligentsia*. Yakutsk: Publishing House. (In Russian)

Л и т е р а т у р а

1. Абай. Слова назидания. Перевод с казахского С. Санбаева. – Алма-Ата, 1970.
2. Кулаковский, А. Е. Якутской интеллигенции. – Новосибирск : Наука, 2012. – 189.
3. Аввакумов, П. Д. Незабываемые встречи // Дьол, ол аата бахут. Якутск, 1981. – 192 с.
4. Анастасьев, Н. А. Абай. Тяжесть полета / Николай Анастасьев. — Москва ; Астана : Молодая гвардия ; Фолиант, 2008. – 379 с.
5. Башарин, Г. П. Сочинения А. Е. Кулаковского. – Якутск, 1964.
6. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. – Якутск : Кн. изд-во, 1992. – 80 с.

ЕГОРОВА Саргылана Ивановна – к. филол. н., доц. каф. якутской литературы ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: sargi@mail.ru

EGOROVA Sargylana Ivanovna – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Sakha Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.161.1-1Москвитин.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-10-18

Тема любви и красоты в творчестве С. Москвитина

М. В. Куличкина ✉, Е. А. Антонова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ mariannavl@mail.ru

Аннотация. Тема любви и красоты является ключевой в творчестве Сергея Москвитина. По мнению Москвитина, поэзия, красота, любовь – три кита, на которых держится вся планета [1]. При этом понятия «женщина», «красота», «вдохновение» неразделимы для автора. Женщина тождественна с любовью, автор обожествляет ее, принижая себя. Образ женщины в творчестве Москвитина слегка размытый, не конкретизирован в отличие от пейзажной лирики, где тщательно описана каждая деталь. Вместе с тем пейзажная лирика и любовная лирика неразделимы: через призму описания природы можно угадывать настроение автора, какие-то вехи в биографии. Например, когда начинаются романтические отношения с дамой сердца, описание природы позитивно, когда происходят размолвки, героя и героиню терзают сомнения, природа, природные явления вторят этим чувствам. Автору не чужда чувственная сторона взаимоотношений мужчины и женщины. Тем не менее в творчестве преобладает платоническая любовь. Описание интимных сцен дополняется всегда в обязательном порядке воспеванием любви, любимой женщины, что в полной мере передает уважительное отношение к героине. Автор делает акцент на том, что женщины бывают разные, но каждая прекрасна и достойна любви, своего поэта, воспевающего ее красоту. Автор ценит не только внешнюю красоту, но и больше красоту душевную. Любовную лирику Москвитина отличает автобиографичность, она выражена стихотворениями, посланиями любимой женщине, о чем свидетельствуют сделанные исследователями выводы.

Ключевые слова: любовная лирика, Москвитин Сергей Владимирович, тема красоты в поэзии, образ женщины, автобиографизм, стихотворение-послание, ассоциатив, поэтический текст, русская поэзия Якутии, литературоведение.

Для цитирования: Куличкина М. В., Антонова Е. А. Тема любви и красоты в творчестве С. Москвитина. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 3 (15). С. 10–18. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-10-18

The theme of love and beauty in the works by Sergei Moskvitin

M. V. Kulichkina ✉, E. A. Antonova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ mariannavl@mail.ru

Abstract. The theme of love and beauty is key in the work of Sergei Moskvitin. According to Moskvitin, poetry, beauty and love are the three pillars on which the entire planet rests. At the same time, the concepts of “woman”, “beauty”, “inspiration” are inseparable for the author. Woman is identical with love, the author deifies her, belittling himself. The image of a woman is slightly blurry and not specified in Moskvitin’s works, unlike landscape lyrics, where every detail is carefully described. At the same time, landscape lyrics and love lyrics are inseparable: through the prism of describing nature, one can guess the author’s mood, some milestones in the biography. For example, when a romantic relationship with a lady begins, the description of nature is positive; when disagreements occur, the hero and heroine are tormented by doubts, nature and natural phenomena echo these feelings. The author is no stranger to the sensual side of the relationship between a man and a woman. However, platonic love predominates in creativity.

The description of intimate scenes is always complemented by the chanting of love, the beloved woman, which fully conveys a respectful attitude towards the heroine. The author emphasizes that women are different, but each is beautiful and worthy of love, its own poet who sings of her beauty. The author appreciates not only external beauty, but more spiritual beauty. Moskvitin's love lyrics are autobiographical; they are expressed in poems and messages to the woman he loves, as evidenced by the conclusions drawn by the researchers.

Keywords: love lyrics, Sergei Moskvitin, theme of beauty in poetry, image of a woman, autobiography, message poem, associative, poetic text, Russian poetry of Yakutia, literary criticism.

For citation: Kulichkina M. V., Antonova E. A. The theme of love and beauty in the works by S. Moskvitin. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 10–18. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-10-18

Введение

Сергей Владимирович Москвитин – поэт, публицист, краевед, член Союза писателей России, фотохудожник – родился 4 февраля 1967 г. на юге Якутии в городе Ленске в простой рабочей семье. Еще в школьные годы к первым шагам на поэтическом поприще его сподвигло чувство любви, которое стало главным катализатором вдохновения всего творческого пути [2].

Любовь – весьма неоднозначное чувство, которое каждый творец видит по-своему. Для кого-то это чувство наполнено борьбой с собой, неутолимой жаждой, страстью, каждая строка описывает душевные муки. Для кого-то – это исключительно светлое чувство, дарящее ощущение покоя и умиротворенности, света, исходящего от любимого человека. Любовная лирика многогранна, многолика – каждый ищет и находит свое. Объединяет всех то, что любовь дарит вдохновение.

В своем стихотворении «Муза и поэт» автор пишет: «Поэту нужно вдохновенье, а вдохновения без музы нет». И только наличие музы позволяет украсить мир и воспеть. По уверению Москвитина «нет на свете лучшего союза, чем муза и поэт» [1, с. 216]. Он благодарит месяц февраль за то, что он подарил музу Эльзу, возлюбленную поэта. Несмотря на то, что этот зимний месяц в Якутии суров и холоден, он для поэта музыкален, чист и чудесен, так как созвучен его состоянию влюбленности и окрыленности [3].

Центральные темы в творчестве С. В. Москвитина

Как утверждает автор, тема любви и красоты является центральной в его творчестве. По его мнению, она является тем стержнем, на котором держится творчество, вдохновенье и жизнь, существование мира в целом. На разных этапах писательской деятельности поэтом созданы такие стихотворения, как «Желание любить», «Застенчивая красота», «Эльзе», «Я немного от любви обезумел», «Муза и поэт», «Для поэта любовь», «Есть женщины», «На вершине», «Нежность», «Портрет любимой» и др. Поэт пишет:

Любовь и Красота едины,
Мы любим Красоту во всем
И видим Красоты глубины
В Любви, ей дышим и живем.

Правы Господь и Достоевский,
Святая истина проста:
Наш мир ничтожный, грешный, мерзкий
Спасут Любовь и Красота [4].

Любовь для Сергея Москвитина «космическое чувство», «истинное чудо», «богатство и добро», «смысл всей жизни», «лучшая в жизни пора», «желанное счастье», «фейерверковый апофеоз». Без любви «жизнь – тяжелая обуза». Он любит родину, многострадальную, местами даже отталкивающую (недаром он сравнивает ее с измученной женщиной, стоящей на паперти и просящей милостыню), вместе с тем прекрасную (у автора множество стихотворений, воспевающих красоту малой родины), любит свою семью, родных и близких людей (стихотворения, посвященные семье пронизаны пронзительной нежностью и добротой) и любит ее, свою Музу, прекрасную женщину. При этом понятия «любовь», «красота», «женщина» тождественны в понимании Москвитина [5]. Он пишет:

Она (женщина) – любовь, на чем и держится

Несовершенный этот свет.

Без женщины, музыки, поэты и скульпторы, художники не могут творить, и даже «весь мир поблек бы и скукожился» [4].

При этом в отличие от пейзажной лирики, где каждое стихотворение изобилует деталями, дающими полную картину, можно даже сказать – фотографию (Л. Винс называет стихотворения, вошедшие в сборник С. Москвитина «Мой родной уголок», «фотопоэзией») [6, с. 3], в изображении женщины нет такого акцента на характеристике внешности, нет четкого описания цвета волос, глаз, дается лишь описание чувств и ощущений, которые она дарит. По М. М. Бахтину, читатель ощущает мир сквозь призму авторского видения, его эмоционального состояния [7]. Наиболее ярко передает портрет женщины в его творчестве стихотворение «Женщина», автор позиционирует его как «ассоциативная мозаика». В нем он описывает все чувства, которые вызывает женщина: «восторг», «нежность», «очарование», «изысканность», «влечение», «воодушевление», «обольщение», «наслаждение». Среди ассоциативного ряда преобладают слова абстрактного значения: «наивность», «любовь», «искушение», «совершенство», «красота», «робость», «женственность» и др. Реже встречаются и чувственно воспринимаемые предметы и лица: «шоколад», «цветы», «роза», «грудь», «лепестки», «русалка», «девушка», «Афродита», «невеста» и др. Образная цепочка в основном состоит из лексики с положительной коннотацией, но некоторые слова имеют двойственную интерпретацию, например, «интриги», «лукавство», «грех», «суета».

Для С. Москвитина женщина не только спутница жизни, но и источник вдохновения, муза, целительница. Он боготворит ее, идеализирует, восхваляет, восхищается красотой не только внешней, но и человеческими, душевными качествами. Можно выделить наиболее частотные метафоры, репрезентующие образ лирической героини: «роскошный подарок небес», «властелинка», «хмельная вершина», «долгожданный свет», «изысканная фея», «янтарный мед», «сладостный дурман», «богиня чудотворная».

Он восторгается каждой героиней своих стихотворений в отдельности, и всеми женщинами в целом. В стихотворении «Есть женщины» он описывает разные типы женщин: некоторые «кротко, застенчиво несут в мир красоту», другие «простые и земные, но с божьей отметкой непростой», кто-то «как эль заговоренный, на хмелю», от других «съезжает крыша». При этом о каждой он отзывается с большим почтением и восхищением. В другом стихотворении «Красавицы! Дарите красоту» он говорит «у каждой музы должен быть поэт», то есть каждая женщина достойна любви, уважения и воспевания. Каждая женщина – есть истинная красота. Без которой «в садах цветы завянут», «сломленные духом не воспрянут», «поблекнут акварели», «не вспыхнет розовый закат», «осиротеет мир». Красота по своей сути доступна, открыта, доверчива и хрупка. Поэт призывает защищать и оберегать ее:

Красота нуждается в защите,

Без защиты ей немоготу.

Берегите, люди, берегите

Хрупкую, святую красоту! [1, с. 195].

Наряду с платоническими чувствами в лирике Москвитина присутствуют стихотворения о чувственной любви между мужчиной и женщиной. В стихотворении «Полнолуние» он говорит о радости единения с любимой: «Мы плыли в полнолуние, пылая». Описывает свое состояние, восторг («Я сразу опьянел»), сравнивает женщину с ожившей статуей: «Ты мраморной казалась. Твои груди / Луна осеребрила добела». В стихотворении «Вдохновение» есть строки:

Под солнцем заблестят
Твои глаза и плечи,
Прекраснейшая из наяд
В наряде безупречном.
Я осушу горячим ртом
Все капельки на теле,
Что бриллиантовым дождем
Любимую одели.
А после, выпив, как нектар,
Прозрачную сорочку,
Я выплесну вдруг этот дар
В лирические строчки [1, с. 43–44].

При, казалось бы, таком откровенном описании не создается впечатления пошлого и осуждаемого обществом поведения, все кажется возвышенным, ибо в стихотворении продолжается тема поклонения женской красоте, которая вдохновляет поэта, влюбленного в свою героиню. В ранее упомянутом стихотворении «Женщина» (ассоциативная мозаика) есть описание женщины:

Соблазн. Желанье. Упоенье.
Страсть. Искушение. Обольщение.
...
Невеста. Девушка. Весна.
Мадонна. Женщина. Жена [1, с. 48].

Автор умело уравнивает чувственное описание платоническим составляющим. Женщина не только «грех», «наслаждение», а невеста, затем жена. Логическое развитие отношений, одной из составляющих которых является чувственная сторона, спасает лирику от опошления, лишнего эротизма и перекоса в описании интимных сторон жизни. Каждое такое стихотворение наполнено не столько интимными подробностями, сколько платоническими чувствами, трепетным, нежным отношением автора к любимой как в стихотворении «Темной ночью пламя тонкой свечки»:

Это ли не чудо и не сказка –
Запалив огонь любви в ночи,
Задышаться в нежности и ласке
В золотом свечении свечи?.. [1, с. 172].

Он благодарен своей героине за красоту, за чувства, за вдохновение, за то, что она дарит сказку, чудо, привносит в его жизнь нечто волшебное и возвышенное. Как говорилось выше, для автора понятия «женщина», «красота», «вдохновение» неразделимы. Женщина дарит любовь, без которой «и белый свет не мил», потому что любовь – «источник вдохновения», «спасение, полет и высота». По мнению Сергея Москвитина поэзия, любовь и красота – три кита, которые держат на спинах его планету («Три кита»), которые практически невозможны без любимой женщины [1].

Автобиографизм лирики С. В. Москвитина

Многие стихотворения С. Москвитина на тему любви можно отнести к жанру послания. Послание – это произведение, написанное в форме обращения к конкретному лицу. Различают послания лирические, дружеские, сатирические, публицистические и, конечно, любовные. В данном жанре писали такие классические поэты, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лер-

монтов, С. А. Есенин, Ф. И. Тютчев и др. Посланиям свойственны адресность, личный характер, призывы, просьбы, пожелания. Сергей Владимирович в своих стихах зовет свою женщину по имени или использует ласковые слова: «Любимая! Мое желание...», «Родная! Я уже скучаю!», «Половиночка моя, половинка!», «Моя богиня, я люблю тебя». Обращается на «ты» будто ведет с ней диалог: «Я жду тебя, я жду тебя, волнуясь. А ты летишь сквозь темь ко мне в такси...», «Ты моя удача шалая...», «Ты стоишь, стоишь перед глазами – И сознание едет набекрень...». Также частотны глаголы в повелительной форме: «Услышь, откликнись, позови!», «Любимая, любимая, мне плохо. Почувствуй же, почувствуй, Позвони!», «Солнышко, развей все тучи черные, / Снова напои меня собой!».

Повествование всегда ведется от первого лица и имеет библиографическую основу. Понятно, что лирический герой – это сам автор Сергей Москвитин, а женский образ представлен его женой Эльзой, имя которой не раз встречается в произведениях [1].

В стихотворениях с 2007 г. в хронологическом порядке перед нами предстает целый роман – отношения между мужчиной и женщиной в логической их последовательности: от знакомства в февральский день, безумной влюбленности, томительных ожиданий свидания, восторженной радости, душевных мук разлуки до помолвки и бракосочетания, совместной жизни, ставшей тихой пристанью.

Стихотворения до этого периода наполнены ожиданием истинной любви, счастья, периодически проскальзывает тема одиночества и тоски. Так, например, в стихотворении «Одиночество» (2005) он пишет:

Одиночество – это искренность
В выражении чувств.
Как жаль, что за это удовольствие
Приходится платить
Безуσταльной грустью
И острой тоской... [1, с. 173].

Поэт в своем стихотворении признается, что в нем очень много неистраченных слов, они буквально задыхаются как в оковах, ищут способ выбраться, вырваться, потому неистово бьются в нем. Но автор бессилен без «помощи женского взгляда», не может выпустить эти слова на волю, ибо без любви нет вдохновения, смелости. Он в изнеможении ждет ту единственную, которая могла бы сделать его жизнь осмысленной, счастливой [6].

В стихотворении «Первое октября» поэт пишет о природных сезонных изменениях через призму грусти: «Осени песня спета – и на душе тоска...». Все произведения этого времени наполнены бесконечной тоской, постылым существованием, брэнностью жизни, ожиданием высоких чувств: «Без любви постоянно мечтаю о любви, чтобы скорее пришла», «Извечная тоска – желание любить», «Душа кричит тоской осатанело: любовь моя, найду ли я тебя?». «За что такое наказание? / Невыносимая тоска... / Влекут весна и утро раннее, / Но крутит осень у виска», «Жизнь – тяжелая обуза. / Я к ней так и не привык. / Срочно требуется муза – / Мой на небо проводник». Звучат пессимистические ноты: «как в квартире, в постылом теле неуютно душе от слез», «сатанинской ночью правят одиночество и тоска», «штопором лезет тоска в мягкую пробку души», «атакует душу тоска». Затем идет период поэтического затишья.

Февраль 2007 г. принес неиссякаемое лирическое вдохновение поэту, так как в это время он встретил свою половину. Все стихотворения этого периода объединяют восторженное отношение к любимой женщине, находящееся на пике экспрессии, эмоциональная наполненность, благодарность судьбе и Всевышнему за встречу.

В стихотворении «Душа заполнена донельзя...» (11 февраля 2007 г.) любовь предстает как колдовство, которое окутало сознание лирического героя. Все его мысли и сердце в трепетном ожидании, вожделении, предчувствии настоящих чувств. Он не знает, что его ждет в дальнейшем, душа истерзана былыми неудачами, истосковалась и молит о любви. Несмотря на несчастливое прошлое, он открыт и жаждет душевных порывов.

Душа заполнена донельзя.
 Все мысли – только о тебе.
 Сознание шепчет: Эльза... Эльза...
 В заветной сердцу ворожбе.
 Что ожиданье мне готовит?
 Падение или полет?
 Сознание молитвословит,
 А сердце, замирая ждет.
 Я неудачами истерзан.
 Услышь, откликнись, позови!
 Сознание шепчет: Эльза... Эльза...,
 Предчувствуя огонь любви [1, с. 207].

Выражение А. Дюма «Кто долго страдал, тот с трудом верит своему счастью» отражается в стихотворении «Неужели же я тебя вымолил?» (12 февраля 2007 г.). Автор не верит неожиданно нахлынувшему счастью, что подтверждают многочисленные риторические вопросы:

Неужели мне снова даровано
 Задышаться в смятении чувств?
 Неужели с тобою по-новому,
 По шальному потоку помчусь? [1, с. 208].

Встреча с любимой воспринимается им как Божий дар после долгих мучений: «После стонов, рыданий и слез...», «Одурев от чумной неизбежности...», «Я тебя на коленях выпрашивал...», «Мне Всевышний тебя преподнес».

В любых отношениях между мужчиной и женщиной бывают разногласия и время разлуки. В период расставания автор испытывает невыносимые душевные муки, переживает крайне остро и болезненно. В стихотворении «Размолвка» (10–12 мая 2007 г.) свое печальное настроение поэт передает через описание дождливой погоды: «Ах, как долго грозowymi тучами / Запечатан небосвод души», «Небо плачет моросющим дождем / Много ли их будет впереди?». Герой чувствует себя беспомощным новорожденным, отлученным от груди. В стихотворении используются слова с негативной коннотацией, которые передают всю тяжесть страданий героя: раздавлен, плачу, убиваться, страдать, измучены. Любимую автор называет «богиней чудотворной», олицетворяет с солнцем, которое сможет развеять черные тучи в его душе.

Безрадостные мотивы любовной лирики С. Москвитина также отражены в стихотворении «Собачья жизнь» (1 ноября 2007 г.). Герой чувствует себя брошенным щенком, отвергнутым своей хозяйкой. Произведение крайне эмоционально, наполнено чувствами отчаяния, самоуничтожения, разочарования и даже некой злобы, которые переполняют автора. Используются такие аффектированные выражения, как: «Я совсем не породистый пес, / Я простая дворняжка», «Я наивно считал, / Что теперь-то все будет всерьез», «Ни к чему тебе «тапочки» – Ты ведь идешь босиком», «А чтоб пса отогнать, / Можно взять / Поувесистей камень / Или, чтоб уж надежнее, / В морду плеснуть кипятком», «Я не нужен тебе со своей / Бестолковой любовью – / Надоедливый пес, / Что все время / Лизнуть норовит», которые только усиливают горечь мучительных переживаний, но читатель понимает, что все слова сказаны в сердцах на пике чувств.

Любовная лирика Москвитина отражена не только в стихотворениях о любви, о женщине, о поэзии, но и прослеживается в пейзажной лирике. Как и у многих поэтов его душевные стремления, терзания, ожидания передаются через описание природы, природных явлений. После каждого стихотворения о взаимной любви стихотворения о природе окрашены яркими, буйными красками, изобилуют сенсорной поэтикой, тщательно прописаны ощущения, звуки, запахи, присутствует вкус. А в периоды одиночества или недолгих размолвок с любимой стихотворения о природе насыщены

элегическими, тоскующими нотками, стихотворения «тихие», краски приглушенные, много полутонов, вкус терпкий, неоднозначный. Даже несмотря на глубокую любовь к природе малой родины, поэт не может пересилить свое настроение. А. Н. Веселовский пишет, что «природа дарует некоторую душевную умиротворенность» [8]. Но все же природа не исцеляет душевные раны поэта.

Особенно ярко это проявляется в период отношений с главной музой поэта, Эльзой. Когда поэт встречается ее в суровый зимний период, природа «поет» вместе с ним. Февраль для него играет множеством звуков, он находит в нем столько прекрасных моментов, описывает его с таким упоением, что читатель проникается любовью к природе. В холодной погоде он видит весну: «И весенней песней любви». Для него поют в это время воробьи, этот месяц «солнцем целован», потому что:

Через призму любви
Заблестят, как весной, сугробы,
Даже если вокруг
Будет царствовать злобный мороз [1, с. 221].

С появлением Эльзы поэт видит все в ярком свете, цвете. Она как солнце согрела его существо, птицы наполняют его мир своим пением, гимном любви. Поэт сам признается:

За меня весна взялась до срока,
И уже в заветном феврале
Я задет тобою был глубоко,
Я тобою был навеселе.
Был февраль наполнен ветром вешним.
Был февраль лучист зиме назло [1, с. 238].

И напротив, казалось бы, самый солнечный весенний месяц май в период разногласий омрачен сомнениями. Лес в глазах поэта «квельый», снег «набухший и тяжелый». Лишь надежда, которая теплится в душе поэта, олицетворена в виде порхающих в лесу бабочек, поющих птиц. В другом стихотворении этого периода он просит ледоход на реке Лене унести все сомнения, выражает надежду, что они «рассыплются на части, / Прозвенев хрусталиками льда» и «растает под напором счастья». Лето ознаменовано концом сомнений – «кончилось холодное ненастье», река унесла свои льды, и мы подразумеваем – разногласия. В душе поэта «Счастье распустило бахромой» «зеленые побеги».

С. Москвитин – человек верующий, образы Бога и святых часто встречаются именно в любовной лирике. Поэт уверен, что истинные чувства даруются небесами, это наивысшая Божья благодать:

И порою нужно лишь немного,
Чтобы счастье хлынуло навзрыд:
Попросить любимую у Бога.
И Господь любовью одарит.

Душа поет, как говорит присловье,
Душа ликует, радуясь, любя.
Я так богат. Я так богат любовью.
Так благодарен Богу за тебя! [1, с. 213].

В стихотворении «Душа должна созреть и настояться» автор размышляет на тему предначертанности человеческой судьбы, что настоящая любовь дается как Божье вознаграждение за лишения и разочарования. Только выстраданное, истерзанное и зрелое сердце способно на высшее чувство, на жертвенную любовь, где нет места эгоцентризму, сможет выдержать накал страстей и эмоций. Поэт верит, что в мире все соразмерно, всему свое время.

Душа должна созреть и настояться
 На болях, на страданиях, слезах,
 Чтоб справиться со шквалами оваций,
 С эмоциями, бьющими вразмах [1, с. 260].
 В минуты разлуки автор также обращается к Богу:
 Я вою зло в ночные выси,
 Я скорбно Господа молю.
 Я слаб. Я жалок. Я зависим
 Лишь потому, что я люблю [1, с. 214].

Также автор обожествляет свою лирическую героиню, называет «богиней», «ангелом», ее образ контрастирует со всеми и даже с ним самим. Для него она святая, неземная, которая снисходит до него, одной лишь улыбкой даря безграничное счастье и умиротворение:

Просто улыбнись, моя богиня,
 Расцвети улыбкой все вокруг.
 Просто улыбнись, моя святыня,
 Просто улыбнись, мой милый друг [3].

Заключение

Анализ любовной лирики С. Москвитина позволяет сделать вывод, что тема любви и красоты является основополагающей в его творчестве. Любовь в понимании поэта – это наивысшее чувство, которое даровано Господом. Произведения отличаются эмоциональностью, юношеской романтичностью, искренностью, интимностью, легкостью восприятия. Как и у большинства поэтов, стихи Москвитина автобиографичны. Лирический герой глубоко привязан к объекту своей любви, страстен, готов к самопожертвованию ради нее, предан и верен. Он ценит, возносит, воспекает природную красоту прекрасного пола, для него понятия «женщина», «любовь» и «красота» тождественны. При создании женского образа автор использует лексику преимущественно положительной коннотации, оставляя позитивный эмотивный след. Часто при раскрытии чувств используется психологический параллелизм, где сопоставляется внутренний мир героя и явления природы. Многие стихотворения можно отнести к жанру послания. Любовь для поэта Сергея Москвитина – это смысл бытия, вдохновляющий на новый творческий взлет.

Л и т е р а т у р а

1. Москвитин, С. В. Музыка с небес / С. В. Москвитин. – Новосибирск, 2017. – 400 с.
2. Борисов, К. Поэзия, любовь и красота – три кита Сергея Москвитина: [Электронный ресурс] // SakhaNews. – URL: <https://1sn.ru/index.php/poeziya-lyubov-i-krasota-tri-kita-sergeya-moskvitina>. (Дата обращения: 10.07.2024).
3. Москвитин, С. В. // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2011/11/27/6274>. (Дата обращения: 10.07.2024).
4. Москвитин, С. В. // Литерра. – URL: <https://litterra.online/publications/authors/moskvitin-sergey/spasut-lyubov-i-krasota-stihi>. (Дата обращения: 10.07.2024).
5. Матанцева, М. Б. Особенности репрезентации эмоционального состояния лирического героя: эмотивы-номинативы (на материале произведений А. А. Ахматовой) / М. Б. Матанцева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2020. – № 1. – С. 43-51. – EDN KXCDEF.
6. Москвитин, С. В. Мой родной уголок / С. В. Москвитин. – Новосибирск, 2020. – 184 с.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
8. Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М., 1989. – URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0060.shtml (Дата обращения: 25.08.2024)

References

1. Moskvitin, S.V. (2017) *Music from Heaven*. Novosibirsk: Novosibirsk. (In Russian)
2. Borisov, K. *Poetry, Love and Beauty – the Three Whales of Sergei Moskvitin*. [online]. SakhaNews. Available at: <https://1sn.ru/index.php/poeziya-lyubov-i-krasota-tri-kita-sergeya-moskvitina> [Accessed 10 July 2024]. (In Russian)
3. Moskvitin, S.V. [online]. Stihi.ru. Available at: <https://stihi.ru/2011/11/27/6274>. [Accessed 10 July 2024]. (In Russian)
4. Moskvitin, S.V. [online]. Литерра. Available at: <https://litterra.online/publications/authors/moskvitin-sergey/spasut-lyubov-i-krasota-stihi>. [Accessed: 10 July 2024]. (In Russian)
5. Moskvitin, S.V. (2020) *My Native Corner*. Novosibirsk. (In Russian)
6. Bakhtin, M.M. (1979) *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
7. Veselovsky, A.N. (1989) Psychological Parallelism and its Forms in the Reflections of Poetic Style. In: Veselovsky, A.N. *Historical Poetics*. Moscow: Vysshaya Shkola. Available at: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0060.shtml [Accessed 25 August 2024] (In Russian)
8. Matantseva, M.B. (2020) Features of Representation of the Emotional State of the Lyrical Hero: Emotive-Nominatives (on the Material of Anna Akhmatova's Works). *Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 1, pp. 43–51. (In Russian)

КУЛИЧКИНА Марианна Владимировна – ст. преп. кафедры рекламы и связей с общественностью филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: mariannavl@mail.ru

Marianna V. KULICHKINA – Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АНТОНОВА Евгения Александровна – ст. преп. кафедры русского языка как иностранного филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

Evgeniya A. ANTONOVA – Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.157.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

Образ “железного города” в якутской прозе XX века

С. Е. Ноева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

г. Якутск, Россия

✉ noyeva79@mail.ru

Аннотация. В статье в контексте геопозитического дискурса города / села интерпретируется образ “железного города” в якутской прозе, степень и характер восприятия которого может способствовать отражению особенностей национального мировосприятия, динамики ментального ландшафта в литературе. В контексте заявленной темы особое значение имеет рассмотрение образа героя прозы, сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям времени и окружающего ландшафта (нового пространства города как шумного, интересного, пугающего). Выявление границ и рубежей пространства в контексте хронотопической системы акцентирует интерес к *лиминальному (промежуточному) хронотопу дороги* как особому хронотопическому комплексу, также железным образам, белому теплоходу, самолету, поезду и пр. Процесс эволюции героя пути, раскрывающегося в полной мере именно в пространстве дороги, наиболее наглядно отражает проблему самоидентификации человека в огромном урбанистическом пространстве. Подобный ракурс исследования способствует раскрытию жанрово-стилевой эволюции якутской литературы как развивающейся динамичной системы, и, что немаловажно, выявлению уникальных художественных маркеров авторского стиля, а также образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Ключевые слова: якутская проза, поэтика, городской ландшафт, образ Якутска, текст, эволюция героя, ландшафтное сознание.

Для цитирования: Ноева С. Е. Образ “железного города” в якутской прозе XX века. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024. № 3 (15). С. 19–27. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

The image of the “iron city” in the Yakut prose of the twentieth century

S. E. Noeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch,

Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

✉ noyeva79@mail.ru

Abstract. The article interprets the image of the “iron city” in Yakut prose in the context of the geopoetic discourse of the city/village, the degree and nature of perception of which can contribute to the reflection of the peculiarities of the national worldview and the dynamics of the mental landscape in literature. In the context of the stated theme, the consideration of the image of the prose hero, whose consciousness is extremely responsive to the modifications of time and the surrounding landscape (the new space of the city as noisy, interesting, frightening) is of special importance. The identification of the boundaries and borders of space in the context of the chronotopic system accentuates interest in the liminal (intermediate) chronotope of the road as a special chronotopic complex, also iron images, white motor ship, airplane, train, and so on. The process of evolution of the hero of the road, which is fully revealed in the space of the road,

most clearly reflects the problem of human self-identification in a huge urban space. Such a perspective of research contributes to the disclosure of genre and style evolution of Yakut literature as a developing dynamic system, and, importantly, to the identification of unique artistic markers of the author's style, as well as the image of the writer as an original carrier of national identity.

Keywords: Yakut prose, poetics, urban landscape, image of Yakutsk, text, evolution of the hero, landscape consciousness.

For citation: Noeva S. E. The image of the “iron city” in the Yakut prose of the twentieth century. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 19–27. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

Введение

В восприятии качеств культурного ландшафта определяющую роль может играть степень иммерсивности (погруженности, вовлеченности) в пространство. Так, для человека *чужого, неместного* в противоположность своему освоенному миру (якутскому *түөлбэ, родному аласу*) мир города воспринимается как пространство совершенно другого свойства, новое, пугающее и вместе с тем завораживающе-интересное. Перевернутость образов и ситуаций порождает двойственность в системе произведения как художественно обоснованного способа отражения новых изменяющихся реалий мира.

Мир города в произведениях первых якутских писателей представляется пространством совершенно фантастическим, открывающим новые возможности для стремящегося к знаниям провинциала, в понимании которого вхождение в городское пространство эквивалентно Пространству Жизни, т. е. Якутск является для него единственным местом для реализации возможности «стать человеком», или иначе *киһи-хара буолуо этэ*. И потому образ семинариста, учащегося духовной семинарии, студента педучилища, пединститута возник как олицетворение *героя нового времени* в литературе, «героя познающего», который максимально полно реализует свои возможности именно в городском мире. К таким образам можно отнести персонажей А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, А. И. Софронова–Алампа, Н. Д. Неустроева, Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа, Д. К. Сивцева–Суорун Омоллоона, А. А. Иванова–Кюндэ, С. С. Яковлева–Эрилик Эристина и др., чьими произведениями представлена якутская литература начала века, 1900–1930-х гг.

Специфика изображения “железного города”

В материалах воспоминаний первых горожан, перебравшихся в город, Якутск предстает как устрашающее место, полное опасности: «*Элбэх киһини кытта аалсыбатах, нууччалыы үчүгэйдик сангарбат, аан маннай киирбит тыа уолугар Дьокуускай куорат дьулаан дойду этэ. Өргө дылы куорат олоһор үөрэнэн биэрбэккэ эрэйдэммитим*» [1, с. 35–36] (Для меня, только вступившего в город сельского парня, который не привык общаться с большим количеством людей, не владел русским языком, Якутск показался страшным местом), «*Миэхэ, оччотообу тыа оһотугар, Якутскай куорат дьытэ элбэһэ, киһитэ үксэ, килэйэн-халайан сүрдээх дойду буолан көстүбүтэ*» (Передо мной, мальчику с окраины, Якутск с его многочисленными домами, множеством людей, просторными улицами предстал как устрашающее место) [2, с. 291]. В этих текстах в первую очередь отмечается многолюдность как основной признак городского пространства, доставляющего дискомфорт человеку, в первый раз прибывшему из аласа.

В рассказе «Сотору да көстөр сордообут» (1920-е гг.) А. И. Софронова–Алампа на приехавшего в город Кузьму производят сильное впечатление в первую очередь оживленность и суматошность городского пространства: «*Кинини төһө эмэ киһи ситэн ааста, төһө эмэ киһи көрүстэ, хас да киһи, туоруох бокуой биэрбэккэ, түгнэри көтө сыста, “хастара хаһынан тугун сүрдэрэй, добоор, ханна бу курдук ыксаабыт дьонуй?” дии саныы истэ. Бэйэтэ даҕаны, хайдах эрэ элбэх дьону көрөн алаадыһан хаалан, утары*

иэзчилэргэ кэтиллэ түһүтэлээн, охтуталы да, охтортуу да сыста» [1, с. 18–19] (Его обогнали люди, навстречу шли тоже несколько человек, некоторые не дав ему опомниться, чуть не сбили, “ну что такое, куда они все так спешат?” – подумалось ему. Сам он, сильно озадаченный и растерянный, чуть не упал, притом помешал прохожим, сбившись с пути) (*пер. наш – С.Н.*).

В романе «Сааскы кэм» (“Весенняя пора”, 1944) Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа городской ландшафт в первую очередь ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в топографических характеристиках «*аат дойдута*» (ад), «*ыыспа куорат*» (трущобы, город в дыму), «*ширбит куорат*» (сумасшедший город) и признаках «*сүнсүлгэн*» (суматоха, суета), «*куугун-хаабын*» (шум-гам), «*күөрэ-ланкы*» (бардак), «*үллэннэс*» (бардак), «*куугун-хаабын ортотугар*» (среди галдежа, шума)¹.

При конструировании городской среды гротеск и гиперболизация являются основными художественными механизмами, с помощью которых передается энергетика городской жизни. Качественно увеличивающиеся свойства пространства (расширение, усиление, приумножение, прирост, размножение, возрастание и т. п.) создают картину шумной, бурлящей реальности города как динамично-светлого и вместе с тем пугающе-темного мира. Такую высокую степень гиперчувствительности можно наблюдать в описаниях всех реалий урбанистического пространства (движения улиц, процесса городской жизнедеятельности и пр.), тяготеющему к ярмарочности, базарности, где в избытке абсолютно все – люди, деньги, транспорт, еда, движение, эмоции, веселье, идеи и т. д.

В восприятии художественного ландшафта в этот период также интересным представляется способ описания Якутска как “железного города”. В произведениях А. Е. Кулаковского о первой встрече самолета («Самолет», 1924) и большого теплохода («Большая огнедышащая лодка», 1910) создается образ большого, восхищающе-пугающего и как будто живого (!) железного организма (самолета, теплохода), органически слившегося с шумным, громким единым механизмом под названием Город. Смысловая архитектура текста строится на олицетворениях (*дүһүннүүр тыллар, тыыннаабымсытыы*), которые придают художественному субъекту черты огромного живого организма Парохода – *уһун субурбан буруо тыыннаах, уот булкуур сүрэхтээх улуу-дьаалы Борокуот Аал* – восхищающе-завораживающего и пугающе-страшного одновременно: *хаһытаан хардыгынатта, уһуутаан кункунатта, үллэ-үллэ үөгүлээтэ, дьуос-дьаакыр тыгырабын төлөрүтүннэ, сылаас паарынан сырылаччы тыынна, инсэлээхтик ингизтиннэ, ынырыктык ынчыктаата, тумсун тупсарынна, кутуругун куйбараннатта, үрдээн күөрэйдэ, улаатан ньондойдо, дыгдайан табыста* (Глубоко застрявший когтистый железный якорь быстро освободила. Шипящим паром прерывисто задышала, словно поглощая раскаленный пар горячей смолы. Закачалась величаво, тяжело застонала, грудь свою выпрямила, рулем помахала. Вширь раздалась, приосанилась, в длину потянулась. Плищами своими, похожими на решетки, гулко заработала, заklubилась, сверкая брызгами. Красновато-розовыми исполинскими своими когтями легко разрезая кипящие струи сильной речной воды, двинулась вперед безудержно) (*пер. – В. Дементьев*) и пр. [3, с. 75–76].

Реальность и иллюзорность присутствия живого огромного ревущего зверя с железными когтями, клювом, хвостом, с железным пылающим сердцем, ощущение его очевидной мощи создают высокую степень иммерсивности в удивительное и фантастическое пространство города, порождающего искусственных чудовищ:

*Мин барахсан
Куйахам күүрдэ,
Кулгаабым чункунаата,
Кутум долгуйда.*

¹Примеры из романа «Весенняя пора» (1944) Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа

(У меня-бедняги – в голове зашумело, в ушах засвистело, кут-душа затрепетала...) [4, с. 108].

(...) *Бу ханытаабытыгар –
Халлааннын ханытынна,
Сирдин ниргийдэ,
Салгыннын сатараата,
Ол уһуутаабыта
Улуу дойду оһуһа
Орулаан эрэрин курдук
Уһун үлүгэрдик
Ол-бу улуу үрэхтэр
Улабаларын диэки
Ой дуораана буолан
Уораһыйан-дуораһыйан
Күнкуну турда...* («Большая огнедышащая лодка»).

(От рева такого небо тяжело заскрежетало, задрожала земля, затрясся воздух. От крика такого, словно от рева сказочного быка земли, за далекими лесами и горами прокатилось эхо, гулко и мощно повторяясь) (пер. – В. Дементьев) [4, с. 107–108].

Железо и бетон как основные строительные материалы в создании фантастического образа Города Будущего обозначены в рассказе П. А. Ойунского «Сүүс сыллаах улуу былаан» (Столетний великий план, 1927). В произведении воссоздана захватывающая реконструкция облика Якутска: намечены принципиальные моменты, касающиеся реновации городского ландшафта – строительства домов, улиц, мостов, которые становятся неотъемлемой частью современного проекта города будущего с хрустальными дворцами, высокими железо-бетонными домами, оснащенными современными коммуникативными системами: «2013 сылтан 2017 сылга Дьокуускай куорат кизэ-киэлитэ тупсуоҕа, быһыта-таһаата уларыыһа. Тимир-бетон дьылэр дьэргэһиэхтэрэ, курустаал таас дыбарыастар күлүмнэһиэхтэрэ. Дьэнкир таас уулуссаларынан килбэһийиэҕэ, араас мастар-оттор үүнүөхтэрэ» [5, с. 143] (С 2013 года к 2017 году изменится, станет лучше и город Якутск, преобразится весь вид и облик его. Взметнутся ввысь дома из железа и бетона, засверкают хрустальные дворцы. Город с мощными камнем улицами заблестит окаймляющими их домами из прозрачного стекла, зазеленеет разными травами-деревями) [5, с. 157].

В книге воспоминаний об Ойунском приводятся его прогнозы, касающиеся модификации городского пространства: «Бу Якутскай куорат Табаҕа хайатыттан Хангалас хайатыгар диэри мырааны аннынан кизэтиэҕэ, биэстии, уоннуу этажтаах таас дьылэрэ дьэндэһиэхтэрэ, оһунан ытыалаабыт курдук көнө асфальт таас уулуссалардаах, университеттаах, академиялаах, культура дыбарыастардаах, кино, драма, опера-балет театрдардаах, коммунизм стилинэн оһоһуллубут Советскай Союз биир бастын куората буола сайдыаҕа» [7, с. 174] (Город Якутск, начиная от Табаги до хангаласских гор, развернется по мыраанам. Возвысятся 5–10-этажные дома, появятся прямые как летящие стрелы заасфальтированные улицы. Наш город станет одним из лучших городов Советского Союза с университетами, академией, дворцами культуры, кино, драматическими театрами в коммунистическом стиле).

Предзнаменование железного века в судьбе города отражается также в стихотворении молодого поэта С. Р. Кулачикова–Элляя «Улуу куорат» (Великий город, 1927). Автор восхищается мощью, энергетикой большого города (возможно, Москвы) и считает это предначертанием и для Якутска – «заснеженной матушки» («хаардардаах ийэккэм»):

*Хаардардаах ийэккэм,
Ханан эрэ эйигин
Хангыл тимир кыайаахтыа,
Халлаангар ханытыа!*

*Бу куорат курдук эн
Буруолуон, долгуйуон,
Болгуо-ыстаал күүһүнэн
Мунурсуйбат дьоллонуон!* [8, с. 43].

(Заснеженная Матушка моя, когданибудь и тебя победит крепкое железо, как и этот город ты заволнуешься, задымишь, с помощью закаленной стали станешь могучей).

Особое внимание акустическим характеристикам образа города уделяется в стихотворении «Москва» П. А. Ойунского. Город шумит, звенит, гудит – автором широко используются звукоподражательные глаголы *барылыыр, бардыргыыр, ньирилэс, лынгыныыр, кылыргыыр, лингийэр, тибийэр, ньиргийэр, сипсийэр, сырылыыр, лобуйар, тобуйар, кынгыныыр* и т. д. Весь этот звуковой спектр в первую очередь связан с железным телом города.

*Дьэ, куорат эбэккэм,
Москва ийэккэм!
Сир-халлаан ньирилэс,
Сир-дойду титирэс.
Тырымныы лынгыныыр
Трамвай кылыргыыр,
Лин-лин лингийэр,
Тип-тип тибийэр.
Тимир дьиз иһигэр
Титирии ньиргийэр,
Сип-сип сипсийэр
Цилиндр эргийэр.*

(Бабушка-город, Москва-матушка! Дрожит, гудит небо и земля. Звонко звенит трамвай. В железном доме дрожит, вертится цилиндр) [9, с. 167].

В этот период под впечатлением от города молодым поэтом В. М. Новиковым–Кюннюк Урастыровым было написано стихотворение «Железная птичка», где был воспет первый самолет, совершивший посадку на Зеленом Лугу рядом с г. Якутском. О самолете как железной стрекозе было также написано молодым Д. К. Сивцевым–Суорун Омоллооном:

*Сындыыс тэһнээбэ, дьэргэлгэн доҕоро
Тирилиир-күрүлүүр тимир тэмэлдьигэн
Уутуттан уһуктубут уһун дойдубар
Олонхо олобун абаалта олуһун!* [10, с. 14].

(Железная стрекоза, словно метеорит, звезда, принес на наш проснувшийся край сказочную жизнь как в олонхо).

Познание далеких горизонтов мира становится одним из потенциальных возможностей для героев литературы советского периода. В качестве художественного способа отражения перспектив, углубления границ мира писателями активно используется образ *теплохода*, воплощающего в себе динамику и силу современной жизни. Атмосфера светлого, радостного города ярко передана в 1960-1970-х гг. в рассказах А. И. Федорова, Н. А. Габышева, мастерски создающих характеры современников, образованных, культурных людей, стремящихся к светлому советскому будущему.

Образ белого теплохода в их рассказах может интерпретироваться как персонификация советской жизни, наполненной торжеством, динамикой и мощью: «(...) *чугастаабы тумултан үгүс үрүн уотунан күлүмүрдээбит, кыһыл, күөх сулус лаампалардаах улахан борохуот сандааран тахсар, үчүгэй да буолуо, онно борохуот иһигэр, онно – сырдык, ичигэс, элбэх дьон, ас-үөл, көр-нар, музыка...*» [11, с. 159.] (из-за ближайшего мыса, сверкая разноцветными огнями, появился большой теплоход. Хорошо там, внутри теплохода – светло, тепло, много людей, еда, радость, музыка...); «*Үүт манган күлтэгэр пассажирскай борохуот кизгэ Ленанан доллойо устар. (...) Чэйдээччи элбэх, аргыс аргыһын эгининэн*

бары күндүлүү сатыыр. Саахыматтыыр, дуобаттыыр уонна өссө хаартылыыр бөлөхтөр үксээн бардылар» [11, с. 219-220] (Белый большой пассажирский пароход величественно плывет по Лене. (...) Едящих много, угощают друг друга разными вкусами. Появились группы игроков на шахматах, в шашки и в карты); «Киров теплоход, Москва өрүс сизкилэ таас ньуурун силэйэ анньан, дьулуруйан иһэр. Өрүс уутугар күн көрүнэн кыһыл көмүс кыырпахтарынан ыһахтанар. Теплоходтар баһаам үгүс дьону тизэйэн, хардары-таары бидилиһэн ааһаллар. Ырыа-тойук, музыка тыаһа өрө ньиргийэн тахсан, ыраас салгынга көңүлүнэн дьизэрэйэ көтөр» [12, с. 87] (Теплохов «Киров», рассекая прозрачные воды Москвы реки, плывет вперед. Песня, музыка взвиваются вверх, в чистое свободное небо); «Борокуот Лена мэндээркэй изнин тоҕо силэйэн дьулуруйан истэ. Иннибитигэр Якутскай таас дьизлэрэ күн сарданатын сөрөнөн кылбааран көһүннүлэр» (Пароход мчался по широким волнам Лены. Впереди показались светлые каменные дома Якутска, озаренные лучами солнца) [13, с. 216].

Интересна поэтическая интерпретация, представленная в стихотворении Семена Данилова. Поэт, восхищаясь московскими небоскребами, проводит аналогию с кораблями, стремительно движущимися на север. Мощь кораблей, держащих курс на север, становится в произведении символом прогресса, динамики советской эпохи:

*Халлааны хайа суруйар,
Халлаанга тайанан турар
Күлүмүрдэс үрдүк дьизлэр
Күн тахсытыгар дыктилэр.
Мин хаамабын дьон бөлөбөр,
Бу аарыма тутуулары сөбө:
Мин дойдубар – Саха сиригэр
Үүнүөхтэрэ эбээт манньык дьизлэр.
Собуруу устар сэдэх былыттар
Кинилэр чыпчаалларын аалаллар.
Былыттар устубаттар,
бу дьизлэр усталлар,*

Хараабыл буоланнар,

хоту,

мин дойдубар! [14, с. 87].

(Прекрасны, упирающиеся в небо, сияющие высокие дома, на восходе солнца. Когда-нибудь и в моей Якутии вырастут такие дома. Их высот касаются плывущие на юг редкие облака. Не облака плывут, а эти дома, превратившись в корабли, на север, на мою родину!).

Образ теплохода есть неотъемлемая часть городского ландшафта и является составляющей частью советского позитивного имиджа города как динамичного пространства с сильной энергетикой. Теплоход на Лене в качестве смысловой параллели, ассоциативно соединяющей северный город с московскими, петербургскими пространствами, становится образом, в котором синтезируется идея всех советских людей – светлая мечта о коммунизме.

Можно отметить, что трансформация, произошедшая с человеком, которому открылись границы новых пространств (в т. ч. и города), обусловлена, прежде всего, жанровой спецификой произведения, которая определяет характер отношений человека и мира – это прежде всего повести и романы социально-психологического, историко-революционного жанра. В повестях «Хапсыһыы» («Схватка», 1983), «Көтүү» («Взлет», 1986) Е. П. Неймохова ярко представлены атмосфера и дух советского времени. В произведениях активно привлекаются образы *теплохода* и *самолета* (как аналогичного символа силы и мечты человека) в раскрытии образа героя, сюжета произведения. Якутск открывается взорам героев нового времени: молодой учительнице Ююйе, оперной певице Антониде Долгуновой преимущественно с палубы белого парохода: «Пароход тумсугар тэлибириир кыһыл былаах анараа өттүгэр кытылга самнаспыт мас дьизлэр харааралларын көрөөт,

Антонида сүрээбэ мөбүл гынна. Дьэ бу кэллэбэ Якутскай куорат барахсан... » [15, с. 6] (Когда за красным флагом, колыхающим на носу теплохода, показались стоящие на берегу деревянные низкие дома, сердце Антонида встрепенулось); «Дьэ бу онон-манан тоһутталаммыт тротуардаах, элбэх күн-дьыл өксүөнүн, ардабын-хаарын оборон хараарбыт эркиннэрдээх, сорохторо аkyлааттара сир кырсын хоту ингнэл-таннал түспүт дьыллэрдээх Дьокуускайым барахсан!» [15, с. 8–9] (Мой Якутск со старыми тротуарами, с накренившимися под тяжестью веков темными домами любимый город); а подающему надежды борцу Толе Догордурову с иллюминатора самолета: «Ил-18 самолет халлаанга ханарыйан тахсарыгар Толя иллюминаторынан аллара көрбөхтөөтө. Якутскай арабас, күөх кырааскалаах таас дьыллэрэ, харанара көбөрөн Өлүнэ эбэ инэ кынат анныгар ууга-хагас ингэннээмэхтээн ыллылар. Итиннэ ханна эрэ Сэргэлээбэ уонна нарын-сэмэй Ира барахсан хааллахтара» (Когда Ил-18 поднялся на небо, Толя посмотрел в иллюминатор. Под крылом самолета было видно ярко-желтые, голубые каменные дома, темно-синюю реку Лена. Там где-то остались Сергелях и нежная, скромная Ира) [16, с. 44].

Якутск становится связующим звеном между молодой оперной певицей, спортсменом и другими мега-городами, Новосибирском, Москвой, Варной, Токио, Берлином и др., подобно магическим воротам в другие измерения. Такую же пространственную перспективу, определяющую одно из характерных свойств данного топоса – открытие через ворота города горизонтов мира – можно наблюдать в повестях М. Н. Догордурова, А. И. Федорова, В. Н. Гаврильевой, Н. А. Габышева, Софр. П. Данилова, в романах писателей этого периода В. С. Яковлева-Далана, Н. Г. Золотарева - Якутского, И. М. Гоголева, Н. А. Лугинова и др.

Понимание Якутска как “железного города” становится традиционным для якутской литературы. В конце XX века в литературе появляются новые мотивы и сюжеты, раскрывающие образ Якутска как апокалиптического мира. Так, в романе писателя следующего поколения И. М. Гоголева «Хара кыталык» (Черный стерх, 1977–1987) встречается материал про пророчество удаганки о надвигающемся железном веке. В видениях удаганки предстал город с железными птицами и орущими железными быками, бегающими над озером Сайсары: «*Бу куоракка кутум-сүрүм тохтообот буолла. Бу бүтэһик киирэ сылдыһым. Дьиктини көрүүлэнэбин... Көрүүлэнэхпинэ, Туймаада эбэ үрдүнэн төбөтө суох тимир көтөрдөр күүгүнүү көтөр буоллахтара... Сайсары күөлүн аттынан тимир оҕустар орулуу-оруюу тигинэхэ сырсаллар... Тузун дьиибэтэ эбитэ буолла. Тимир үйэ кэлээри гыннаба...*» [17, с. 10] (Неуютно мне в этом городе. Это мой последний приезд. Видения у меня странные... Вижу, как над долиной Туймадой летают безголовые железные птицы... У озера Сайсары бегают орущие железные быки... Видимо, приближается железный век...).

Параллель города с мифологической страной мертвых или нижним миром абаасы можно отметить и в ряде произведений, где тюрьма интерпретируется в качестве дьявольского железного мира. К примеру, нижний мир (мир абаасы) существует в поэтике романа И. М. Гоголева–Кындыла в качестве страшного города и в большинстве случаев реализуется посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары, герой одноименного романа, дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте отмечается достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа: «*Олбуор анныгар икки арсыын кэринэ туоралаах ханааба уута тимир курдук тымныытык килэбэчийэр. Ити уулаах ханааба түгэбэр уһуктаах тимир үөрбэлэр батары саайыллан турар сурахтаахтара*» [18, с. 198] (Под забором в канаве в два аршина шириной как железо холодно сверкает вода); «*Ылтаһын миискэбэ хааһы дуомун уунаат, хабыстык киэр хайыһаллар, тахсан бараллар. Тугу эмит ыйыттабына хоруоп курдук, иин буорун курдук... сангарбаттар!*» [18, с. 322] (В жестяной

миске, подав кашу, быстро отворачиваются и уходят. Если что-то спросить, следует молчание как в гробу, как в могиле) (С. Н. – *пер. наш*).

Город как экзистенциальный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому город воспринимается в качестве места экзистенциальной грани (края), порождающей множество проблемных ситуаций.

Заключение

Потенциал героя прозы 1940-1980-х гг. актуализируется в особой пороговой ситуации – его вхождением в город. Образ “железного города” становится художественной проекцией ландшафтного сознания человека, меняющегося вместе с глобализирующимся миром. Модификации общественно-культурной жизни общества, усматривающиеся в сложном процессе смены отношений от естественных природных ландшафтов к искусственной среде города, создают облик человека нового времени. Это горожанин, новый герой якутской литературы, который сумел найти свое собственное место в пространстве города. Стоит заключить, что освоение границ “железного города” как олицетворение эволюции сознания, внутренней динамики персонажа наиболее полноценно передает весь спектр открытости сознания человека новой эпохи, для которого пространство Якутска становится не только локусом города света и науки, но и города-тюрьмы, апокалиптическим пространством.

Л и т е р а т у р а

1. Софронов, А. И. Талыллыбыт айымньылар : стихи / А. И. Софронов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1964. (на якут. яз.).
2. Протодяконов, В. А. Киһини итэбэйэр буоллахха : рассказы, повесть / В. А. Протодяконов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1982. (на якут. яз.).
3. Кулаковский, А. Е. Сновидение шамана : поэма / А. Е. Кулаковский. – Москва : Худож. лит., 1990. – 25 с.
4. Кулаковский, А. Е. Ырыа-хоһоон : стихи, поэмы / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Бичик, 2012. – 368 с. (на якут. яз.).
5. Ойунский, П. А. Талыллыбыт айымньылар : рассказы, повести / П. А. Ойунский. – Якутск : Бичик, 1993. – 456 с. (на якут. яз.).
6. Борисова-Слепцова, А. А. В поисках золотого зерна : переводы / А. А. Борисова-Слепцова. – Якутск : Айар, 2022. – 368 с.
7. Ойунский, П. А. 1893–1963. Ыстатыйалар уонна ахтыылар : статьи / П. А. Ойунский. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1963. – 222 с. (на якут. яз.).
8. Кулачиков, С. Р. –Эллэй. Хоһооннор, поэмалар : стихи / С. Р. Кулачиков. – Як. книж.изд-во, 1954. – 636 с. (на якут. яз.).
9. Ойунский, П. А. Айымньылар. Т. 1. : Стихи / П. А. Ойунский. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1958. – 234 с. (на якут. яз.).
10. Сивцев, Д. К.–Суорун Омоллоон. Айымньылар уонна үлэлэр толору хомуурунньуктара. Т. 1. / Д. К. Сивцев. – Якутск : Якутия, 2006. – 320 с. (на якут. яз.).
11. Габышев, Н. А. Эн биһикки олохпут : рассказы / Н. А. Габышев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1972. – 258 с. (на якут. яз.).
12. Федоров, А. С. Добо́ттор : рассказы / А. С. Федоров. – Якутск : Як. книж.изд-во, 1982. – 94 с. (на якут. яз.).
13. Федоров, А. С. Күөх кырыс : рассказы / А. С. Федоров. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1980. – 312 с. (на якут. яз.).
14. Данилов, С. П. Хоһооннор, поэмалар : стихи / С. П. Данилов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1967. – 479 с. (на якут. яз.).
15. Неймохов, Е. П. Көтүү : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Як.книж.изд-во, 1986. – 224 с. (на якут. яз.).
16. Неймохов, Е. П. Хапсыһыы : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1983. – 304 с. (на якут. яз.).

17. Гоголев, И. М. Хара кыталык : роман / И. М. Гоголев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1982. – 288 с. (на якут. яз.).
18. Гоголев, И. М. Манчаары : роман / И. М. Гоголев. – Якутск : Бичик, 2001. – 352 с. (на якут. яз.).

References

1. Sofronov, A. I. (1964) *Selected works*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
2. Protod'yakonov, V. A. (1982) *If you believe the people* / V. A. Protod'yakonov. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
3. Kulakovskij, A. E. (1990) *The Shaman's Dream*. Moscow: Hudozh.lit. (in Russian)
4. Kulakovskij, A. E. (2012) *Songs-poems*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)
5. Ojunsij, P. A. (1993) *Selected works*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)
6. Borisova-Slepceva, A. A. (2022) *In search of the golden grain*. Yakutsk: Ajar. (in Russian)
7. Ojunsij, P. A. (1963) 1893-1963. Articles and memoirs. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
8. Kulachikov, S. R.-Ellej. (1954) *Poems*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
9. Ojunsij, P. A. (1958) *Works*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
10. Sivcev, D. K.-Suorun Omolloon. (2006) *The Complete Works. T. I*. Yakutsk: ID Yakutiya. (in Yakut)
11. Gabyshev, N. A. (1972) *Our life with you*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
12. Fedorov, A. S. (1982) *Friends*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
13. Fedorov, A. S. (1980) *Virgin land*. Yakutsk Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
14. Danilov, S. P. (1967) *Poems*. Yakutsk: Yak. Knizh. Izd-vo. (in Yakut)
15. Nejmhov, E. P. (1986) *Flight*. Yakutsk: Yak.knizh.izd-vo. (in Yakut)
16. Nejmhov, E. P. (1983) *Fighting*. Yakutsk: Yak.knizh.izd-vo. (in Yakut)
17. Gogolev, I. M. (1982) *Black sturgeon*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo, 1982. (in Yakut)
18. Gogolev, I. M. (2001) *Manchaary*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)

НОЕВА Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ФГБУН ФИЦ «ЯНИЦ СО РАН».

E-mail: noyeva79@mail.ru

Sargylana E. NOEVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

УДК 821.512.122:82-2.

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-28-34

Художественные особенности речи персонажей в драматических произведениях

А. К. Шапауов¹ ✉, А. А. Шапауова², Е. И. Туровская², М. А. Кабыкен¹

¹Казахский национальный университет искусства, г. Астана, Казахстан

²Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан

✉ shapau@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена таким ранее малоисследованным в мировой науке объектам, как драматизм, жанрово-стилевые особенности и речь персонажей в казахских драматических произведениях. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе конкретных фактов рассматриваются жанровые особенности, драматические ситуации, стилистое мастерство драматургов, язык персонажей пьес в сопоставлении с произведениями других народов. Анализу подвергаются характеры главных персонажей, а также драматический диалог и монолог. Мастера художественного слова, не довольствуясь сокровищами литературного языка, постоянно учатся тому языку, который доступен широкому кругу читателей и на котором создаются бесценные шедевры искусства. В работе комплексно изучается процесс преобразования прозаического произведения в драматургическое сочинение. В процессе перехода от фольклора, эпоса к драме, инсценировке на первом плане должны быть драматический случай, драматический конфликт, драматический характер и драматический язык – это и есть главное требование жанра.

Ключевые слова: драматизм, фольклор, стиль, речь персонажей, диалог, тюркская драматургия.

Для цитирования: Шапауов А. К., Шапауова А. А., Туровская Е. И., Кабыкен М. А. Художественные особенности речи персонажей в драматических произведениях. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 3 (15). С. 28–34. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-28-34

Artistic features of the characters' speech in dramatic works

A. K. Shapauov¹ ✉, A. A. Shapauova², E. I. Turovskaya², M. A. Kabyken¹

¹Kazakh National University of Art, Astana, Kazakhstan

²Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan

✉ shapau@mail.ru

Abstract. The article is devoted to such previously little-studied objects in world science as drama, genre and style features and speech of characters in Kazakh dramatic works. The scholarly novelty of the article lies in the fact that on the basis of specific facts, genre features, dramatic situations, stylistic mastery of playwrights, the language of characters in plays in comparison with the works of other nations were revealed. The characters of the main characters, as well as dramatic dialogue and monologue were considered. Masters of artistic words, not content with the treasures of the literary language, are constantly learning the language that is accessible to a wide range of readers and in which priceless masterpieces of art are created. The research comprehensively studies the process of transforming a prose work into a dramatic composition. In the process of transition from folklore, epic to drama, staging in the foreground should be a dramatic incident, dramatic conflict, dramatic character and dramatic language; this is the main requirement of the genre.

Keywords: drama, folklore, style, character speech, dialogue, Turkic dramaturgy.

For citation: Shapauov A. K., Shapauova A. A., Turovskaya E. I., Kabyken M. A. Artistic features of the characters' speech in dramatic works. *Issues of national literature.* 2024, No 3 (15). Pp. 28–34. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-28-34

Введение

Драматизм, стиль и речь персонажей драматургических произведений – это особая художественно-эстетическая категория. «Изучать язык письменных источников необходимо для того, чтобы в дальнейшем использовать их данные для освещения актуальных проблем истории развития общенародного и литературного языка», – пишет ученый Н. Баскаков [1].

Речь персонажей, стиль, драматизм драматургических произведений были объектами изучения таких известных во всем мире исследователей, как А. Джарри [2]; сценическое искусство и драматургия – таких ученых, как Г. Вэлварт – специалист по проблемам современной английской драматургии [3]; Р. Бейен – теоретик драмы в европейской литературе [4]; Д. Нигель – исследователь жанра драматического эссе, символизма в драме [5]. История теории драматургии и театра в Арабских эмиратах во взаимосвязи с европейской теорией драмы исследована в работах С. Гадомски [6], в его работах данная тема анализируется с учетом достижений современного мирового сценического искусства и литературоведческой науки. Проблемы исследования жанра драматургии и театрального искусства тюркских народов Центральной Азии, Поволжского, Сибирского регионов России во взаимосвязи с европейской драматургией (от фольклора до драмы) специально исследованы в научной статье А. Шапауова [7].

Особенности речи персонажей в драматических произведениях

Для создания фундаментальной истории того или иного литературного языка, а также последовательного изучения основных этапов формирования его стилей, основной задачей является полное и основательное изучение индивидуальных стилей писателей.

Известные языковеды В. Виноградов, Г. Винокур, М. Храпченко, А. Байтурсынов, К. Жубанов, М. Ширалиев, А. Демирчизаде, М. Балакаев и другие исследователи уделяли особое внимание вопросам языка и стиля художественных произведений, считали их важнейшей и своеобразной отраслью филологических знаний.

Начиная с 60-х гг. XIX столетия азербайджанские, узбекские, татарские языковеды, опираясь на большой опыт восточного и западного, русского языкознания приступили к изучению языковых, стилистических особенностей творчества виднейших представителей тюркского культурного наследия.

Ученый Л. Щерба считал, что «... достоинство того или иного литературного языка определяется многими факторами, среди которых им выделяются в особенности три аспекта: а) словарное богатство, которое измеряется наличием разнообразных средств выражения нужных понятий; б) богатство синонимии; в) богатство готовых возможностей выражать разнообразные оттенки мысли и чувства» [8, с. 121].

Все эти возможности языка раскрываются не сразу, каждая из них является результатом долгого и многовекового развития и, в свою очередь, содержит богатый запас потенции для выражения новых мыслей и чувств. Знание стилистических возможностей родного языка предопределяет подлинное новаторство того или иного мастера слова. «Писатель-мастер обогащает палитру отработанного литературного языка, используя для этого народные формы речи, профессионализмы, неологизмы, оправданные и необходимые заимствования и мн. др. Что-то при этом является авторским изобретением и приобретением, а что-то становится сразу или может со временем стать общенародным. Язык умно распоряжается своими и чужими богатствами», – пишет ученый Л. Скворцов [9, с. 243]. «В тюркской филологии последовательное изучение речи, сценических видов искусства, мастерства художественных произведений – дело последних полутора столетий», – отмечает исследователь А. Шапауов [10, с. 223].

Совершенствование литературного языка в целом является прямым следствием совершенствования средств выражения писательского замысла. Новые образы и типы, идеи находят в художественной литературе органичное воплощение в новых

стилистических формах. Чем выше степень типизации, тем отточеннее и ярче эти формы. В этом плане драматургическое произведение требует выбора и использования еще более отточенных и специфических форм, что, естественно, вытекает из самой природы комической типизации.

Начиная с 1940-х гг. казахские языковеды, опираясь на большой опыт русского и зарубежного языкознания, приступили к изучению языковых и стилистических, художественных особенностей творчества виднейших представителей казахской интеллигенции, таких как Ы. Алтынсарин, А. Кунанбаев, С. Торайгырова, С. Кобеева, М. Ауэзов, Б. Майлин, С. Муканов и др.

Процесс преобразования прозаического произведения в драматургическое сочинение не легок. Причиной этому является то, что в драматическом произведении не описываются подробно авторские чувства, внутренний мир и мысли героев, портрет персонажа, пейзажи.

В процессе перевода эпического произведения в драматическое, точнее к инсценировке, прежде всего нужно обращать внимание на драматический случай, драматический конфликт, драматический характер и драматический язык – это и есть главное требование жанра. Генезис и развитие тюркского театрального искусства и драматургии нашли фундаментальное отражение в труде А. Шапауова [11].

Существуют различные мнения о драматизме, например, ученый Р. Нурғали отмечает: «Исследование проблемы драматизма в прозе даст возможность разным жанрам сойтись друг с другом, открыть силу явлений, обогащающих друг друга и нынешнее состояние искусства. Одним из требований, которые предъявляются в данный момент к литературе и к любому ее жанру является драматизм» [12, с. 139].

Мощь художественного произведения, особенные черты и глубина содержания определяются мастерством языка писателя. В драматических сочинениях у каждого героя бывает язык, присущий лишь данному персонажу. И этот язык называется языком характера.

Ученый М. Ауэзов выражает такую мысль: «Если пьеса не представляет из себя образец красноречия и не выражает мастерство художественного языка, то это сочинение не может быть художественным произведением, а будет представлять из себя только материал для пьесы. И этот труд будет представлять из себя лишь скелет и схему драмы. Язык пьесы – это владыка искусства, владыка художественного произведения» [13, с. 75].

Главным определяющим элементом взаимоотношений героев в драматических произведениях является речь героя. Слова героя – способ создания образа в драматических сочинениях. В тюркской филологической науке есть исследовательские труды, написанные относительно речи героев в прозаических произведениях с литературной и языковой точки зрения. Не секрет и то, что из-за разделения на литераторов и языковедов мы не можем продвинуться вперед в изучении языка драм. И, хотя речь героев драм не исследовалась специально, все же эта тема нашла свое отражение в трудах ученых, занимавшихся анализом жанра драмы. Имена ученых, занимавшихся этой проблемой, нам хорошо знакомы, это М. Ауэзов, А. Байтурсинов, М. Ширалиев, А. Демирчидаев, Х. Миннегулов, Х. Каримов, М. Серғалиев, а также такие театральные, драматургические критики, как К. Куандыков, К. Уалиев, А. Сыгаев.

Исследователь Х. Каримов пишет: «Основную часть драматического сочинения составляет речь героя, а иногда слова автора (ремарки). Но это – независимый способ второй степени (через ремарки в пьесе никто никогда не создает образ и не открывает внутренний мир героя). Главное требование к любому герою любого произведения это – сочетание содержания его слов с его характером и психологией, а также его слова должны соответствовать уровню его воспитания, жизненного опыта, окружающей среды, и конечно же все это должно быть взаимосвязано и совпадать с происходящим процессом... по речи героя можно распознать его характер, то есть его самого» [14, с. 11].

Основным используемым предметом в драматическом произведении является диалог. Одна из главных задач диалога в драматическом произведении состоит в создании человеческого образа.

Композиционная особенность проявляется в построении событий пьесы на отступлениях. Выигрышный момент заключается в том, что при этом достигается преемственность, взаимосвязь событий прошлого и настоящего, появляется возможность как бы заглянуть в будущее. Доказательством сказанному может служить, например, трагедия разрушения семьи Мурата и Разии в драме С. Жунусова «Доченька, тебе говорю...». Картины из прошлого в части «Из зала суда» постоянно увязываются с картинами сегодняшней жизни в части «Сценические действия». Концепция драматурга – вспоминая прошлое, предупреждать будущее. Вторая цель, естественно, приковать внимание зрителя к сцене, повысить его заинтересованность в происходящем.

В драматическом произведении необходимо, чтобы язык, речь персонажей были содержательными, глубокими, драматически конфликтными, пламенными. В ходе анализа пьес мы убедились в том, что для всестороннего раскрытия натуры героя большую роль играет диалог. Определены и обоснованы виды диалога (диалог-конфликт, диалог-дискуссия, диалог с подтекстом, диалог-юмор), роль, характер, место драматических монологов и диалогов в произведении.

Наблюдается высокий уровень умения художника в составлении диалогов. Во-первых, они, как правило, полны подтекста, элементов, порождающих острый юмор, искренний смех, во-вторых, являются глубоко философскими, раскрывающими конфликт героев, их характеры, порой полярно противоположные.

В каждом высказывании персонажей можно предельно четко уловить характер жизнедеятельности героев, особенности их образов, в целом дыхание того времени. Взять, к примеру, диалог между Карасаем и его сватом Мукатом в пьесе-инсценировке «Кос анар». Здесь главный персонаж Карасай резкими словами унижает Муката, а он в ответ называет Карасаю «аферистом», «пронирой».

Вместе с тем С. Жунусов большой мастер создания монолога. Монолог – мощное художественное средство, служащее для раскрытия внутреннего мира героя. Известно, что монолог в драме отличается от монолога в прозе. Монолог в драматическом произведении – прием, с помощью которого передаются внутренние и внешние переживания персонажей. Монолог со сцены исполняется публично, однако рядом находящийся персонаж не отвечает, будто не слышит этого. Персонажи, каждый по отдельности, переживают происходящее. Монолог – один из приемов, имеющих огромное значение, способствующих тому, чтобы герой высказался до конца. Например: «Слепая старуха (придя на могилу): ... Виновата перед вами, простите. Нас было двое сирот в этой голой степи, теперь я лишилась моей последней опоры. Не смогла уберечь, простите. ... Вот теперь всевышний оставил меня одну со своими нескончаемыми слезами. Нет у меня никого, только вы можете понять мою безутешную печаль, только с вами могу делиться своим горем. О, боже, исполни мое последнее желание, дай умереть здесь, чтобы лежать вместе с родными» [15, с. 58].

Одно из свойств, придающих большую художественную весомость произведениям казахского мастера слова С. Жунусова – поэтическая особенность языка. Этот язык удачно гармонирует с психологическим состоянием персонажей, позволяет свободно «плавать» в мире поэзии. Кумар вдохновенно произносит: //Мгла белого бурана// отара* на месте,// моя белая акку* с лебединой шеей,// поет свою нежную песню,// я бы не раздумывая последовал за ней.// И тогда Акку ласкала бы, прижав меня к белой груди,// обняла бы белыми ручонками,// повисла бы на моей могучей шее.// Пусть метет метель// я не устану,// не пожалю себя,// последую за моей лебедью!// Умереть на этом пути,// на пути к моей белой птице,// нет у меня большей мечты! [15, с. 24].

Одна из особенностей творчества Сакена Жунусова, которая является особым явлением в казахской драматургии, новой формой инсценировки, – это создание на основе известного комедийного произведения («Девушка поневоле») другой комедийной пьесы, написанной в стихотворной форме («Еле-еле, усердно»).

Можно легко убедиться в том, что писатель для усиления языковой образности драматических произведений удачно использует несколько видов художественных средств. Особенно часто мы встречаем метафору, метонимию, эпитет, синекдоху, сравнение и т. д.

Метафора – один из особенных видов тропов, по сравнению с другими художественными средствами чаще встречающийся в драматических произведениях. Драматург в уста своих героев часто вкладывает метафору, чтобы слова звучали наиболее содержательно, логично, красочно. Например: «– Жеребеночек ты мой, единственный ты мой, никак не мог спастись от зверя двуногого, а теперь стал жертвой зверя степного, светик ты мой, ягненок ты мой беззащитный!» [15, с. 73]. Если в приведенном примере драматург вместо метафорических слов и словосочетаний употребил бы другие альтернативные слова, то первоначальное содержание оказалось бы значительно бледнее.

В пьесе встречается и немало метонимических переносов. В большинстве случаев они применяются во взаимном общении персонажей. Например: «Разия: Сам иди к своим баранам. Я тебе не баран и не пастух [15, с. 69]. Джамбул: Какие же у вас черные сердца, можете не то что птицу, человека запросто застрелить» [15, с. 152]. Весомость метонимии в драматическом произведении по сравнению с другими видами тропа находится на высоком уровне.

Одно из художественных средств, часто встречающихся в драматических произведениях – эллипсис. Эллипсис в языкознании – пропуск в речи какого-нибудь легко подразумеваемого слова, члена предложения. В пьесах К. Мухамеджанова, Д. Исабекова, С. Жунусова, О. Бокей это явление тоже встречается. Например: «Катай: Ну и как, Атан? Атан: Так, ничего... красивая... Дюсен: Матушка, вы, конечно, обижены, поэтому так говорите. А так... Лучше бы придумали что-нибудь» [15, с. 174].

В драматических произведениях автора психологические ситуации, действия, взаимоотношения героев изображаются глубоко. Поскольку пьеса-инсценировка «Сильнее смерти» является психологическим произведением, посвященным историко-революционной теме, драматург стремился раскрыть характеры большинства персонажей именно с психологической позиции.

В пьесе главные образы – Слепая старуха и Ажар – переживают, с одной стороны, большие трудности жизни и бытия, с другой стороны, они испытывают подлость и коварство окружающих родственников. Автор проводит Ажар через испытания жизненными трудностями и в конце концов выводит этот мужественный образ одинокой, но не сломленной матери на должную высоту. Ажар – образ собирательный. В ее лице показано трагическое положение казахской женщины начала прошлого века.

В пьесе диалоги между Слепой старухой и Аукемом, Атаном, Катаем построены на сильных психологических ситуациях. Глубоким психологическим нюансом является и то, что Слепая старуха обращается за помощью не к своим близким и родственникам, а к богу. Особенность драматургии С. Жунусова заключается в том, что любой персонаж свою истинную натуру всесторонне проявляет в ходе конкретных, напряженных действий.

Начиная с 1960-х гг. в казахской драматургии значительно пополнились ряды психологических произведений. К их числу относятся «Разные судьбы» Ш. Кусаинова, «Неожиданная встреча» Т. Ахтанова, «Опаленные цветы» С. Жунусова, «На чужбине» К. Мухаметжанова и т. д. [16].

В казахских драматических произведениях К. Мухаметжанова, С. Жунусова, Д. Исабекова есть немало примеров подачи портрета в соответствии с характером, внутренним миром персонажа. В сатирической комедии «Волчонок под шапкой», «Кроссворд, или новогодний маскарад», например, он надевает на своих героев маски

зверей в соответствии с их «ролями» в реальной жизни, создавая тем самым неожиданные ситуации. Главная идея автора при этом – критика несправедливости в современном обществе, раскрытие истинной сущности наглых хапуг. У прозаических произведений может быть многоплановый сюжет, а в драматических произведениях имеется определенное ограничение. Количество персонажей не должно превышать 10–12. Поэтому сюжет обязательно должен быть сосредоточен вокруг центрального героя. Мы убедились в том, что в драматических произведениях в 1960–1990-х гг. преобладает психологизм.

Заключение

На основе конкретных фактов выявлено, что художники слова в инсценировках прозаических произведений вносят изменения в соответствии с требованиями драматического жанра, сценического искусства (построение на ритмике, интонации драмы, учет игры актера на сцене, приведение в соответствие с драматическим монологом и диалогом и т. д.), строят их на сильных конфликтах между персонажами, повышают весомость своих образов, сохраняя некоторые линии основных прозаических произведений, могут создать иное, новое произведение по законам драматургии. Драматурги уместно используют изобразительные приемы. В целях реализации жанровых особенностей много внимания уделяют речи персонажей. Не упускаются из виду речь персонажей, разговорная манера героев, действия, стиль, порождающие конфликт между ними, то есть одна из главных целей, которых необходимо придерживаться в драматических произведениях.

Значение слов на казахском языке:

отар* – табун овец.

акку* – лебедь.

Л и т е р а т у р а

1. Баскаков, Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков / Н. А. Баскаков. – Москва : Наука, 1988. – С. 287–288.
2. Jarry, A. Ubu Roi. Suivi de Ubu Enchaîné. Livre du Club du Libraire. / A. Jarry. – Paris: Science, 1965. – Pp. 118-119.
3. Wellwarth, G. Modern Drama and the Deaath of God / G. Wellwarth. – London : Education, 1986 – 197 p.
4. Beyen, R. M. De Gheldorode ou la Hantise de Masgue / R. M. Beyen. – Bruxelles : Science, 1971. – 149 p.
5. Nigel, D. Dramatic Essays / D. Nigel. – London : Education, 2008. – Pp. 73-74.
6. Gadomski, S. Teatr i Dramat w Zjednoczonych Emiratach Arabskich / S. Gadomski. – Warszawa : Wydawnictwo Nauka, 2011. – 224 p.
7. Shapauov, A. K. The Problems of Study of the Genre of Dramaturgy of Turkic Nations of Central Asia and the Siberian Region of Russia in its Correlation with the European Dramaturgy (from Folklore to Drama) / A. K. Shapauov. *Life Science Journal*. 2013, 10 (7s) : 848-851.
8. Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – Москва : Учпедгиз, 1957. – С. 110–129.
9. Скворцов, Л. И. Теоретические основы культуры речи / Л. И. Скворцов. – Москва : Наука, 1980. – С. 318–319.
10. Shapauov, A. K. Stylistic and artistic peculiarities of dramatic works by Turkic nations of Central Asia and Caucasian region (based on materials of Kazakh and Azerbaijani an plays) / A. K. Shapauov. *Life Science Journal*. 2013, 10(11s):221-224.
11. Shapauov, A. K. Scenic literature in the context of the drama and dramatic art of the Turkic nations (late XIX – early XX centuries) / A. K. Shapauov. *Life Science Journal*, 2013, 10(10s):360-364.
12. Nurgali, R. Drama Onery / R. Nurgali. – Almaty : Sanat, 2001. – 332 p.
13. Auezov, M. Zhyrma tomdik shgarmalar zhinagy / M. Auezov. – Almaty, 1985. – 225 p.
14. Karimov, H. Kanatti til / H. Karimov. – Almaty : Mektep, 1995. – 183 p.
15. Жунусов, С. Н. Доченька, тебе говорю... Сборник пьес. / С. Жунусов. – Алма-Ата, 1978. – 285 с.
16. Сборник казахских пьес. – Алма-Ата : Санат, 1986. – 358 с.

References

1. Baskakov, N.A. (1988) Historical and Typological Phonology of Turkic Languages. Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Jarry, A., 1965. Ubu Roi. Suivi de Ubu Enchainé. Livre du Club du Libraire. Paris: Science, pp: 118–119. (In French)
3. Wellwarth G. (1986). Modern Drama and the Death of God. London: Education, pp: 197.
4. Beyen R.M. (1971). De Gheldorode ou la Hantise de Masgue. Bruxelles: “Science,” pp: 149. (In French)
5. Nigel D. (2008). Dramatic Essays. London: Education.
6. Gadomski S. (2011). Teatr i Dramat w Zjednoczonych Emiratach Arabskich. Warszawa: Wydawnictwo Nauka. (In Polish)
7. Shapauov A.K. (2013). The Problems of Study of the Genre of Dramaturgy of Turkic Nations of Central Asia and the Siberian Region of Russia in its Correlation with the European Dramaturgy (from Folklore to Drama). Life Science Journal, No. 10 (7s): 848–851.
8. Shcherba L. V. (1957) Modern Russian Literary Language. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, pp. 110–129. (In Russian)
9. Skvortsov, L.I. (1980). Theoretical Bases of Speech Culture. Moscow: Nauka, pp. 318–319. (In Russian)
10. Shapauov, A. K. (2013). Stylistic and Artistic Peculiarities of Dramatic Works by Turkic Nations of Central Asia and Caucasian Region (Based on Materials of Kazakh and Azerbaijani an plays). Life Science Journal; 10(11s): 221–224.
11. Shapauov, A. K. (2013). Scenic Literature in the Context of the Drama and Dramatic Art of the Turkic Nations (late 19th – early 20th Centuries). Life Science Journal; No. 10(10s): 360–364.
12. Nurgali R. (2001). Drama Onery. Almaty: Sanat.
13. Auezov, M. (1985) Zhyrma Tomdik Shgarmalar Zhinagy. Almaty.
14. Karimov, H. (1995) Kanatti Til. Almaty: Mektep.
15. Zhunusov, S. N. (1978) Daughter, I Tell You.... Collection of Plays. Alma-Ata. (In Russian)
16. Collection of Kazakh Plays. Alma-Ata: Sanat, 1986. (In Russian)

ШАПАУОВ Алиби Кабыкенович – к. филол. н., профессор ВАК, Казахский национальный университет искусства, г. Астана, Республика Казахстан.

E-mail: shapau@mail.ru

Alibi K. SHAPAUOV– Full Professor, Cand. Sci. (Philology), Kazakh National University of Art, Republic of Kazakhstan.

ШАПАУОВА Айжан Аймакеновна – магистр, лектор, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан.

E-mail: shapau@mail.ru

Aizhan A. SHAPAUOVA – Master of Philology, Lecturer, Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan.

ТУРОВСКАЯ Екатерина Ивановна – магистр филологии, лектор, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан.

E-mail: turovskaya.kgu@mail.ru

Yekaterina I. TUROVSKAYA – Master of Philology, Lecturer, Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan.

КАБЫКЕН Магжан Алибиулы – магистр наук, Казахский национальный университет искусства.

E-mail: magafis@mail.ru

Magzhan A. KABYKEN – Master of Science, Kazakh National University of Art.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 82.0

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-35-45

Поэтика пейзажа поздней прозы К. Паустовского*А. И. Ощепкова, Д. Д. Кривобок* ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

✉ krivobok.darya@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается поэтика пейзажа поздней прозы К. Паустовского. Новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что в статье уточняются и детализируются особенности прозы писателя 1940–1960-х гг. в контексте пейзажной поэтики. При анализе использования пейзажа в структуре произведений К. Г. Паустовского выявлено, что в поздней прозе пейзажные описания не являются просто вставками или декорациями, а тесно взаимосвязаны с общей композицией произведений, влияя на их художественную целостность. Паустовский мастерски вписывает пейзажные описания в структуру своих произведений, используя их как важный элемент сюжета и атмосферы. Пейзажи часто служат не только красочным фоном для действия, но и выполняют функцию исторического контекста, философической глубинной наполненности содержания произведений, символического отображения внутреннего состояния персонажей и ключевых тем произведения. Кроме того, природные описания могут выполнять функцию структурных элементов, связывая отдельные части произведения и создавая гармоничный ритм повествования. Таким образом, пейзажи в поздних рассказах Паустовского становятся неотъемлемой частью общей композиции текста, способствуя углублению смысла и эмоциональной напряжённости произведения.

Ключевые слова: поэтика пейзажа, проза, рассказ, функция, сюжет, символ, мотив, характер.

Для цитирования: Ощепкова А. И., Кривобок Д. Д. Поэтика пейзажа поздней прозы К. Паустовского. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 3 (15). С. 35–45. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-35-45

The poetics of the landscape of Konstantin Paustovsky's late prose*A. I. Oshepkova, D. D. Krivobok* ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

✉ krivobok.darya@bk.ru

Abstract. The article examines the poetics of the landscape of Konstantin Paustovsky's late prose. The novelty and relevance of the research is due to the fact that the article clarifies and details the features of the writer's prose of the 1940s and 1960s in the context of landscape poetics. When analyzing the use of landscape in the structure of Paustovsky's works, it was revealed that in late prose landscape descriptions are not just inserts or decorations, but are closely interrelated with the overall composition of the works, affecting their artistic integrity. Paustovsky masterfully fits landscape descriptions into the structure of his works, using them as an important element of the plot and atmosphere. Landscapes often serve not only as a colorful background for action, but also perform the function of historical context, philosophical depth of the content of the works, symbolic representation of the inner state of the characters

and the key themes of the work. In addition, natural descriptions can serve as structural elements, linking individual parts of the work and creating a harmonious rhythm of the narrative. Thus, the landscapes in Paustovsky's later stories become an integral part of the overall composition of the text, contributing to the deepening of the meaning and emotional tension of the work.

Keywords: landscape poetics, prose, story, function, plot, symbol, motive, character.

For citation: Oschepkova A. I., Krivobok D. D. The poetics of the landscape of Konstantin Paustovsky's late prose. *Issues of national literature*. 2024, No 3 (15). Pp. 35–45. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-35-45

Введение

В современном литературоведении проблема функции пейзажа в художественном тексте по-прежнему остается не до конца изученной. Однако в свое время этой теме были посвящены работы Б. Е. Галанова, К. Н. Григорьяна, В. В. Кожина, К. В. Пигарева и др. Так, в частности, Б. Е. Галанов и К. В. Пигарев проследили историю становления пейзажа в литературе от античности до современности и отметили, что лишь в XIX в. пейзаж приобрел психологический характер, причем в русле каждого литературного направления он имеет свои особенности: сентименталисты пытались растрогать природными описаниями читателя; романтики – возвысить его дух; а реалисты – передать мельчайшие детали природы. По мнению К. В. Пигарева, словесное искусство и изобразительное искусство имеют свои особенности, однако обладают общими художественными методами для решения задач реалистического отражения действительности. К основным свойствам русского национального пейзажа XIX в. исследователь отнес динамичность, так как писателю в отличие от художника «доступны не только краски, но также звуки и запахи», и лиризм [1]. Теоретические основы пейзажа также изучали В. Н. Рябова, И. Н. Анисимова, Т. Ф. Гостева, Е. Н. Балбашова, Р. С. Луценко, О. А. Витрук и др. В произведениях отдельных авторов функцию пейзажа исследовали Н. Д. Павлова (Леонид Мартынов), Л. В. Соколова (Б. Пастернак), Д. М. Иванова (И. А. Бунин), С. Н. Нефедова (В. М. Шукшин), О. А. Тышук (А. И. Солженицын) и мн. др. Необходимо особо выделить исследования В. Н. Левиной, посвященные созданию пейзажа в языковой картине мира. Исследователь, рассматривая функции пейзажа в литературном тексте, вводит термин «текстовые пейзажные единицы», который определяется как «один из элементов системы текстовых единиц, которые характеризуются тематическим единством и наличием пейзажной семантики, отражают представления человека о природе как об окружающем его мире» [2, с. 13]. Итак, можно констатировать, что в настоящее время наиболее актуальным становится исследование механизмов построения пейзажа в литературном тексте. Для рассмотрения этой проблемы проза К. Г. Паустовского представляется наиболее репрезентативной, так как именно творчество этого писателя неразрывно связывают с изображением природы и человека, которые, соединяясь, представляют собой единое целое. Многие исследователи указывают на то, что природа в прозе Паустовского является не просто фоном действия, но и самостоятельно действующим лицом. Так, Т. В. Сапрыкина в своей статье рассуждает об эстетических идеалах Паустовского, выраженных в образах природы. Она полагает, что, изображая пейзажи родных краев, писатель тем самым выражает и свою любовь к Родине. Эстетические принципы автора выражаются в таких понятиях, как «прекрасное», «романтика» и «необыкновенное». Он, «следуя главному принципу своей поэтики, выявляет необыкновенное в обыкновенном, прекрасное в повседневном». Таким образом, «эстетический идеал писателя воплощается в том, что для него прекрасное связано с природой. Природа для писателя – и предмет любования, и источник лирического вдохновения, обладающий большой силой эстетического воздействия» [3]. Е. С. Терехова

подчеркивает многофункциональный характер природного пейзажа у Паустовского: он и способствует раскрытию внутреннего мира героя, и участвует в формировании его образа, и служит для обозначения времени и места действия, и, наконец, влияет на сюжет. Описывая неброскую природу Средней России, автор использовал простые и точные тропы, позволяющие раскрыть ее скромную красоту. Терехова также подчеркивает: «Природные описания у Паустовского наполнены не только всевозможными оттенками, тонами и полутонами, но и запахами, звукоподражаниями, аллитерацией» [4]. И. М. Вознесенская поднимает в своей статье стилистические аспекты творчества Паустовского. В качестве стилиобразующей черты его поздних рассказов она называет «лирическую тональность», которая с помощью специальных изобразительно-выразительных средств отражает «эмоционально окрашенное изображение, передающее теплое, щемящее чувство к своей земле и природе» [5]. Событие внутренней жизни героя может быть тесно связано с состоянием окружающей природы. Лирическая тональность может задаваться не только с помощью слов с эмоциональной семантикой, но и специальными «эпитетами, рисующими спокойное, проникновенное, нежное отношение к природе, лишенной пышной яркости, цветистости» [5], а также благодаря образам природы, создающим приглушенность света и звука. Важную роль в создании лирической тональности играет и отбор деталей, представленных как в звуковых, так и в зрительных образах. Художественно значимым в рассказах Паустовского является образ дождя, который в разных сюжетных ситуациях приобретает свое смысловое и изобразительное значение. Таким образом, лирическая тональность является особенностью индивидуального стиля Паустовского. С философской точки зрения взглянули на творчество Паустовского И. С. Болдонова и С. С. Имхелова. Они использовали концепцию Г. Г. Гадамера для интерпретации произведений писателя. Согласно этой концепции, творческий человек способен глубже понимать природу, вступать с ней в диалог: «Так, в творчестве таких писателей, мастеров художественного слова, как Паустовский, через искусство становится реальным интерпретировать голос самой природы, ее призыв, ее обращение к людям» [6]. Разговор с природой – это как своеобразный способ самовыражения писателя, так и способ «самопроявления природной реальности».

Е. В. Летохо в своей работе тщательно изучила основные черты творчества Паустовского, а также выявила сходства и различия описания природы у Паустовского и у писателей-классиков, чьим традициям он следовал. В частности, она отметила, что «пейзаж составляет идейно-содержательную основу произведений, нередко лежит в основе сюжета или служит отправной точкой философских рассуждений» [7, с. 6]. Е. В. Летохо подчеркнула сходства пейзажного описания Паустовского и Тургенева, которые обусловлены общностью их философско-эстетических взглядов и субъективным отношением к изображаемому, а также наличием общих «мотивов творчества», раскрывающих красоту природы. В то же время «если у И. С. Тургенева природа зачастую воспринимается как грозная сила, неуправляемая стихия, то в прозе К. Г. Паустовского воплощена сформировавшаяся в соответствии с его художественной аксиологией концепция гармонического единства природы и человека» [7, с. 8]. Тяготение природы к антропоморфизму сближает К. Г. Паустовского с А. П. Чеховым, однако «чеховские описания менее субъективны и не столь ярко лирически окрашены» [7, с. 9]. Кроме того, у Чехова «философское нередко уступает место обличительным описаниям, близким к сатирическим» [7, с. 9]. Таким образом, Е. В. Летохо была проведена фундаментальная работа по выявлению литературных традиций XIX в. в произведениях Паустовского.

С. А. Мантрова проследила эволюцию философских взглядов К. Г. Паустовского в изображении человека и природы. В соответствии с этим она выделила три периода в его творчестве: 1) Проза 1910–1920-х гг., в которой природа противопоставлялась цивилизации, и где герой стремился уйти от суеты на лоно природы; 2) проза конца 1920-х – начала 1930-х гг., где происходит столкновение человека и природы, и где герой

подчиняет себе природу; 3) произведения конца 1930–1940-х гг., где природа оказывается на вершине системы ценностей; она представлена гармоничной и совершенной; герой является созидателем, способствует сохранению природы. По словам С. А. Мантровой, в позднем творчестве Паустовского «из вспомогательного композиционного элемента пейзаж превращается здесь в элемент главный, и потому перестает быть собственно пейзажем, превращаясь в своеобразного объективированного «героя», в главный объект изображения» [8, с. 15]. И. П. Пикулина в своей статье подчеркивала романтизм природных описаний у Паустовского: «Мир природы, который, наряду с искусством и любовью, романтики считали основным источником гармонии в жизни, в новеллах Паустовского созвучен душевному состоянию героев» [9, с. 20]. Она также отмечала, что пейзажи Паустовского играют роль изображения внутреннего состояния героев.

Небольшой обзор работ, посвященных исследованию работ Паустовского в контексте поэтики пейзажа, позволяют говорить о том, что актуальность изучения функции пейзажа в его произведениях обусловлена не только уникальностью художественного подхода самого автора, но и его важностью для понимания общей семантики и эстетики текстов. Вместе с тем необходимо отметить, что поздняя проза К. Паустовского осталась несколько вне пристального внимания исследователей. Между тем именно анализ роли пейзажа в рассказах 1940–1960-х гг. позволит определить не только своеобразие поэтики произведений этого периода творчества, но и особенности творческой эволюции писателя.

В поздних рассказах К. Г. Паустовского можно наблюдать уникальное своеобразие в описании пейзажа, которое отличает его от других писателей. Автор проникает в глубины природы, вкладывая в каждое описание свои уникальные переживания и взгляды на мир. Одной из особенностей подхода Паустовского к описанию природы является его глубокое эмоциональное вовлечение. Он не просто передает визуальные образы, но и старается донести до читателя свои чувства и эмоции, которые вызывает у него окружающая природа. В его описаниях часто можно почувствовать лирическое восхищение, тоску по утраченному или даже нотки меланхолии.

В творчестве Паустовского пейзажи играют значительную роль, перенося читателей в мир его произведений и обогащая их смысловым содержанием. Он использует описания природы не только для создания визуального образа окружающего мира, но и для выражения своих мыслей и философских убеждений. Каждая деталь природы в его произведениях несет в себе глубокий символический смысл и помогает читателям погрузиться во внутренний мир героев и автора. Паустовский искусно использует пейзажные зарисовки как способ передачи своих мыслей и чувств, делая их более эмоциональными и многогранными. В его произведениях природа становится неотъемлемой частью сюжета, эмоционального окружения и философских рассуждений. Каждый лес, река или закат оказывает глубокое воздействие на героев и читателей, перенося их в особый мир, насыщенный символами и метафорами.

Ярким примером может послужить рассказ «Старик в потертой шинели» (1956), где пейзаж имеет особое социально-философское значение. Здесь описание угрюмой, хмурой, неприветливой природы полузабытой деревеньки Богово соотносится с размышлениями о нынешнем состоянии ранее процветающих, а теперь никому не известных, полуразрушенных деревень, о судьбе людей, по вине общества и государства оказавшихся в бедственном положении, об одинокой старости. Изображая природу деревни, автор неоднократно прибегает к мрачным краскам, использует образы дождя и тумана. Дождь в рассказе олицетворяет тоску, сожаление о несчастной судьбе одинокого старика, бывшего офицера, испытавшего немало бедствий и лишений, волею судьбы заброшенного в деревеньку Богово: *«Снова холодные дождевые капли начали тяжело щелкать по лопухам. И эта угрюмость вечера каким-то образом передалась моим мыслям об одинокой старости, о человеке в потертой шинели, что брел рядом со мной»* [10, с. 446]. Туман так же создает атмосферу уныния, безвестности, затерянности старого человека, осознания им

быстротечности жизни (*«Дожди к тому времени прошли, но над землей по целым дням лежал туман. Он не рассеивался даже к полудню»* [10, с. 448]; *«Туман густел, стекал с желтеющих ив большими каплями»*) [10, с. 455]. Метафорическое значение имеет образ палых осенних листьев, которые *«освещали землю своим желтым холодноватым огнем»* [10, с. 448], появляющийся накануне отъезда главного героя из деревни. Здесь листья отождествляются с жителями деревеньки, которые несмотря на всю бедственность своего положения продолжают верить и надеяться на лучшее будущее. Интересно также, что в конце рассказа, когда рассказчик проезжал мимо той деревеньки, то увидел не *«беспросветную тьму»*, а *«слабое голубоватое зарево»* [10, с. 455]. Можно предположить, что такая перемена объясняется искренней верой старика в светлое будущее и в то «что народ не потеряет духовного облика» [10, с. 456].

Анализ символического значения пейзажей в творчестве Паустовского позволяет более глубоко понять его произведения и взглянуть на них с новой перспективы. Он открывает новые грани творческого воображения и помогает расшифровывать скрытые смыслы, делая чтение его произведений увлекательным и познавательным опытом.

Эволюция подхода к пейзажу

Изучение эволюции подхода К. Г. Паустовского к описанию пейзажей в его произведениях представляет собой увлекательный исследовательский процесс, который позволяет проникнуть в тонкие нюансы его художественного мастерства и принять изменения в его восприятии мира. Автор, будучи выдающимся литератором XX в., неизменно демонстрировал свое умение передавать эмоциональную глубину и философские смыслы через описания природы. Однако, анализируя его произведения на разных этапах творчества, можно заметить эволюцию его стиля и подхода к использованию пейзажа.

В его ранних работах, таких как рассказ «Лихорадка» (1924), пейзажи обычно являлись подлинными картинами, живописно и детально описывающими окружающую среду и создающими атмосферу произведения. Вот, например, описание тропической природы южноамериканского города Санто-Марко, в который сбежал из охваченной лихорадкой каучуковой земли русский инженер Миронов (*«тесная кофейня, где по стенам бегали скорпионы», «на белых и высоких оградах домов весь день лежал шелковистый блеск солнца», «душно пахли олеандры, звенела по камням вода, звенели подковами старые мулы», «на улицах сладковато пахло ванилью», «ночи были залиты белым холодным пламенем», «отраженное солнце играло в гигантских голубых кристаллах океана»*) [11, с. 26–27]. Такая живописная картина создает у читателей представление об экзотической стране, в которую попал главный герой и позволяет прочувствовать то ощущение долгожданного освобождения от преследований.

Однако уже в более поздних произведениях можно наблюдать изменение в подходе Паустовского к описанию природы. Пейзажи становятся менее детализированными, но более символическими и метафорическими. Они служат не только для создания образа окружающего мира, но и для выражения его внутреннего состояния, мыслей и чувств.

Таким образом, анализ эволюции подхода к пейзажу в творчестве Паустовского позволяет нам не только понять изменения в его художественном стиле, но и проникнуть в его личностное развитие и внутренний мир, что делает этот процесс интересным и значимым для литературоведения. В рассказе «Робкое сердце» (1943) природа выполняет двойную функцию: она выражает внутреннее состояние как главных героев, так и всего народа в целом. Приморский городок Карантин, в который переехала главная героиня Варвара Яковлевна на протяжении всего рассказа меняется в зависимости от происходящих событий. Если в начале рассказа нам все кажется спокойным, безмятежным (*«В Карантине во всех домах было очень чисто, тихо, а в садах пахло нагретыми листьями помидоров и полыню»*) [10, с. 192], то с наступлением войны все кардинально меняется (*«Перед рассветом с моря долетел короткий гром. Потом второй, третий»*

[10, с. 193]; *«Орудия были наведены на море. Оно уже по-зимнему кипело, бесновалось»* [10, с. 194]; *«Ветер свистел, раздувая над улицами золу и пепел. В черной мрачности, во мгле шумело море»* [10, с. 197]; *«Ветер рвал сухой кустарник на каменных мысах, швырялся полосами дождя»* [10, с. 199]). Примечательна так же финальная картина рассказа, где внезапно выглядывает солнце и освещает тень дыма от чайника. Эта сцена имеет символическое значение, поскольку солнце в данной ситуации символизирует вечную славу незаслуженно оклеветанного и казненного летчика-героя, племянника Варвары Яковлевны. Таким образом, мы видим, как Паустовский, изображая взбунтовавшуюся природу одного небольшого городка, тем самым показывает горе и негодование всего русского народа, потерпевшего бедствия войны.

Личные чувства и переживания героя в рассказе «Белая радуга» (1945) находят отражение в изображении окружающей природы. В начале рассказа главный герой, боец Петров, ощущает свою бесприютность, одиночество, отчужденность от всего мира. В связи с этим город кажется ему враждебным (*«угрюмой стеной стоял хребет Ала-Тау»*, *«в холодных домах по вечерам было тихо и темно»*, *«около безлюдного вокзала шумели обледенелые вязы»*, *«непроглядная азиатская ночь мела между вагонами сухим снегом»*) [10, с. 270–271]. Но спустя некоторое время в жизнь героя приходит любовь, и он обретает близкого человека. С этого же момента природа будто преображается, играет новым чистыми и светлыми красками (*«Среднеазиатский город встретил Петрова белизной снегов и огромным солнцем в чистом по-весеннему небе»*; *«Чистейшим синеватым льдом отсвечивали на город хребты Ала-Тау»*; *«как исполинские зимние розы расцветали в палисадниках облепленные мохнатым снегом замерзшие цветы рубдекии»*) [10, с. 275]. Примечателен образ «голубого зарева звезд» в конце рассказа, который может предсказывать долговечность и прочность чувств героев.

Интересна функция пейзажа в рассказе «Вилла Боргезе» (1966). Действие рассказа происходит за границей, в Риме. Паустовский вводит элемент сравнения, сопоставляя природу Италии и России. Например, автор подчеркивает, что в Риме осенью отсутствует привычный для России шорох пахлых листьев, а ночи кажутся более длинными, чем в России. Описывая Рим, писатель отмечает его скудную растительность, постоянную духоту, палящее солнце, которое освещает мраморные стены. Так же, как и в других рассказах, природа здесь непосредственно связана с сюжетом. Несчастное происшествие, случившееся с японкой в одной из гостиниц Рима, но устраненное благодаря равнодушному портю, который заступился за девушку, обуславливает появление мотива дождя в рассказе (*«Среди ночи по крышам забарабанил дождь, и, хрипя и отплевываясь запели водосточные трубы»*) [12, с. 581–586]. Во время дождя рассказчик чувствует некое облегчение, в это время «тяжесть, лежавшая в груди, исчезла». Здесь дождь олицетворяет переосмысление героем жизни. Он приходит к выводу, что «мир не страшен, а только, может быть странен», что в мире еще осталось место добру.

Пейзаж как средство характеристики

В рассказах К. Г. Паустовского пейзаж играет важную роль в характеристике персонажей и раскрытии их внутреннего мира. Он часто становится зеркалом внутреннего мира персонажей. Например, в рассказе «Дождливый рассвет» главный герой майор Кузьмин ощущает свою бесприютность, тревогу, волнение перед неизвестным, одиночество. Это отражается и в описаниях окружающей природы через образы дождя, темноты, холода, сырости (*«В старых ветлах сонно шумел, стекал с листьев дождь»*; *«Пролетка въехала, наконец, в тёмный городок»*; *«В темноте перешептывался слабый дождь. В жестяном желобе торопливо стучали тяжелые капли»*; *«В саду пахло ночным холодом, сырým песком»*) [10, с. 298–310].

Кроме того, пейзаж в рассказах Паустовского может использоваться для подчеркивания особенностей характера персонажей. Например, если герой обладает

мечтательным и романтическим характером, то его окружение может быть изображено в виде живописных и вдохновляющих пейзажей. В то время как персонаж с мрачными чертами характера может находиться в суровой и неприглядной окружающей среде. Так, в рассказе «Первый туман», на первый взгляд черствый и равнодушный метеоролог оказывается очень восприимчивым и мечтательным человеком. В связи с этим становится примечательным образ синеющей зари и бледных звезд (*«Заря синела, разгоралась. В очень высоком, как бы распахнутом в глубину небе догорали звезды, бледные, как капли воды»*) [13, с. 144]. Высокое, глубокое небо с бледными звездами может символизировать скрытую, никому не известную, но глубокую натуру метеоролога, которая проявилась в его диалоге с писателем Макаровым.

Пейзаж и тематические мотивы

Исследование влияния пейзажей на развитие тем и мотивов в рассказах К. Г. Паустовского открывает широкий спектр возможностей для анализа. Пейзажи в его произведениях часто являются не просто декорациями, а активными участниками повествования, влияющими на формирование тем и мотивов.

Во-первых, пейзажи могут служить фоном для развития тематических мотивов. Например, если центральной темой рассказа является тема природы и человека, то описание природных ландшафтов и их взаимодействия с героями помогает углубить понимание этой темы и раскрыть ее различные аспекты. Примером может служить рассказ «Днепровские кручи», где природные зарисовки сопутствуют теме труда. Герои рассказа, дед Микола и режиссер, высказывают мысль о том, что труд может доставлять удовольствие и быть эффективным только тогда, когда окружающая обстановка и природа будут вдохновлять человека своей красотой. Наиболее полно эта тема отображается в описании пышного сада, в котором происходил разговор режиссера со съездом писателей (*«Летняя зеленая пышность этого сада сменилась сейчас пышностью осени»; «В голубеющем тумане сверкали внизу голубеющие воды Днепра в оправе бронзовых роц и лесов»; «вся даль поблескивала серебряным свечением»; «сверкало уже низкое по осени, но ослепительное солнце»*) [10, с. 475–481]. Оно противопоставлено изображению села деда Миколы, которое выглядит «казарменно и уныло» и отнимает у людей охоту «жить в этих угрюмых и неотличимых друг от друга домах».

Во-вторых, пейзажи могут использоваться для символического отображения ключевых мотивов произведения. Например, в рассказе «Телеграмма» мотив старости и одиночества тесно переплетается с описанием ответшлого дома и затухающей природы (*«Спутанная трава в саду полегла, и все доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора»; «Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь»*). Главная героиня, пожилая женщина, Катерина Петровна, брошенная своей дочерью, сама невольно отождествляется с тем одиноким маленьким подсолнечником. Символичен также и образ снега, появляющийся во время болезни и после смерти Катерины Петровны. Он может олицетворять как раскаяние дочери (*«снег таял на лице, смешивался со слезами»*), так и хрупкость человеческой жизни (*«Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмерзшую холстину»*) [10, с. 311–322].

Кроме того, пейзажи могут быть использованы для создания атмосферы и настроения, что также оказывает влияние на развитие тем и мотивов. Например, мрачные и угрожающие пейзажи могут подчеркнуть тему трагедии или конфликта, в то время как живописные и вдохновляющие пейзажи могут усилить тему надежды и преодоления.

В произведениях Паустовского природа часто выступает как активный участник сюжета, чьи изменения и явления тесно связаны с эмоциональным состоянием героев. Например, суровый и мрачный пейзаж отражает внутренние тревоги и переживания

главных героев, а яркий и красочный пейзаж – радость и умиротворение. Таким образом, через природные образы автор передает эмоциональные состояния персонажей, их внутренние конфликты и поиски. Кроме того, природа в рассказах Паустовского часто выступает как символический код, отражающий философские и эстетические идеи автора. Например, изображение бескрайних полей может символизировать свободу и стремление к ней, а темные и мрачные леса – тайны и неизведанные уголки человеческой души. Такие символические образы позволяют Паустовскому глубже проникнуть в суть своих персонажей и выразить свое мировоззрение через природу.

Таким образом, анализ взаимосвязи между природными образами и внутренним миром персонажей в рассказах Паустовского открывает перед нами богатство его художественного метода и позволяет глубже понять смысл его произведений.

В исследовании роли и функции пейзажа в творчестве К. Г. Паустовского выявляется его существенное значение как ключевого элемента стиля. Паустовский отличался особым подходом к описанию природы, который превращает пейзажи в более, чем простые фоны для событий произведений. Он использует природные образы для передачи эмоций, настроения и тематики, делая их важной составной частью текста. В его произведениях каждый пейзаж несет в себе не только визуальную информацию, но и является отражением внутреннего мира персонажей. Это позволяет читателю более глубоко погрузиться в историю и лучше понять эмоциональное состояние героев. Пейзажи в его рассказах становятся своеобразным зеркалом для внутреннего мира персонажей, их мыслей и чувств. Анализируя роль пейзажа в произведениях К. Г. Паустовского, можно сделать выводы, что пейзажи в его текстах не только служат описанием внешнего мира, но и являются отражением внутреннего мира самого автора. Паустовский в своих рассказах часто использует описания природы как способ отображения своих личных переживаний, эмоций и мировоззрения, как средство выражения своих мыслей о жизни, человеческих отношениях, времени и смерти. В каждом пейзаже можно увидеть оттенки его философских размышлений и взглядов на мир, что делает его тексты более глубокими и проникнутыми смыслом.

Заключение

Изучение пейзажей в контексте художественного метода Паустовского позволяет увидеть, что для него пейзажи в поздней прозе являются не только визуальными образами, как в ранних произведениях, но и мощным средством символического выражения. В его произведениях пейзажи часто приобретают символическое значение, отражая философские взгляды автора и передавая ключевые темы его произведений. Например, изображение широких просторов природы может символизировать бесконечность времени и пространства, а описания изменяющихся природных явлений могут отражать непрерывный поток жизни и времени. Такие образы позволяют автору выразить свои мысли о бесконечности мироздания и человеческого существования.

Итак, пейзаж в рассказах 1940–1960-х гг. К. Паустовского уходит от орнаментальной поэтики его ранней прозы и выполняет функции исторического контекста, имеет глубокий философский и символический подтекст, становясь тем самым одним из важных показателей индивидуальной эволюции писателя.

В творчестве К. Г. Паустовского пейзаж выступает не просто как фон для действия, но и как важный элемент, помогающий передать исторический контекст и атмосферу произведения. Паустовский виртуозно использует пейзажные описания для воссоздания времени и места действия, погружая читателя в атмосферу исторической эпохи и окружающей обстановки. Использование пейзажа для передачи исторических событий и обстановки позволяет Паустовскому не только создать реалистичный фон для происходящего, но и обогатить произведение дополнительными слоями смысла. Например, в его рассказах о Великой Отечественной войне пейзажи олицетворяют разрушение и страдание, передавая настроение времени и места, а также эмоции и переживания героев.

В произведениях Константина Георгиевича Паустовского пейзажи играют важную роль не только в качестве декоративного элемента, но и как средство передачи глубоких идей и эмоций. Они становятся неотъемлемой частью мира, который создает писатель, и помогают читателю глубже погрузиться в сюжет и атмосферу произведения. Пейзажи, описанные Паустовским, могут быть как реалистичными, так и символическими, что делает их более интересными для исследования. При анализе произведений Паустовского важно обратить внимание на то, как изменения в пейзажах соотносятся с ключевыми событиями сюжета и внутренним миром персонажей. Описание природы может подчеркивать эмоциональное состояние героев или служить предвестником грядущих событий. Таким образом, пейзажи выступают важным инструментом для создания напряженности и драматизма в произведениях Паустовского.

Кроме того, пейзажи в произведениях Паустовского могут служить аллегорическим отражением исторических событий и социокультурных изменений. Они помогают читателю лучше понять контекст времени и места, в котором разворачивается сюжет. Поэтому изучение пейзажей в произведениях Паустовского не только раскрывает художественный мир автора, но и позволяет лучше понять историческую и социокультурную среду, в которой жил и творил писатель.

В поздних рассказах К. Г. Паустовского явно прослеживается тенденция использования пейзажа не только как заднего фона, но и как средства для выражения его лирических и философских размышлений. Это проявляется в том, как автор внимательно описывает окружающую природу, обращаясь к ней с особым чувством и вниманием.

В творчестве Паустовского пейзажи играют ключевую роль, не только визуально обрамляя события произведений, но и пронизывая их символическим и эмоциональным содержанием. Они становятся средством передачи авторских мыслей и чувств, обогащая художественное восприятие произведений. Паустовский виртуозно использует природные образы, чтобы создать уникальные атмосферы и передать сложные эмоциональные состояния своих героев.

Важно отметить, что пейзажи в его произведениях не являются лишь декоративными элементами, а выступают важными символами и метафорами. Они помогают читателю глубже погрузиться в суть произведений, раскрывая их темы и идеи через образы природы. Например, изображение старого дуба может символизировать прочность и стойкость человеческого духа, а полет стрекозы – свободу и непредсказуемость жизни. Такой подход к использованию пейзажей делает произведения Паустовского более глубокими и многомерными. Они перестают быть просто повествованием о событиях, становясь исследованием внутреннего мира человека и его взаимоотношений с окружающим миром. Пейзажи в его произведениях пронизаны символикой и эмоциональным зарядом, что делает их значимыми и запоминающимися для читателя.

В ходе исследования роли пейзажа в творчестве К. Г. Паустовского мы обратились к понятию пейзажа как символа и метафоры в его произведениях. Этот аспект оказался необычайно интересным и глубоким, поскольку позволил проникнуть в глубину смысла, заключенного в описаниях природы. Паустовский как мастер слова умел использовать пейзажи не только как фоновое оформление для своих произведений, но и как носителя символического содержания.

В процессе анализа конкретных текстов Паустовского было выявлено, что каждый пейзаж несет в себе глубокий смысл, который раскрывается через метафорическое восприятие. Например, описание закатного неба может символизировать уход времени и эпохи, а образ пустынной дороги – бескрайнее стремление человека к неизведанным горизонтам. Такие символические образы создают атмосферу мистики и загадочности, придавая произведениям Паустовского особый художественный колорит.

В творчестве Паустовского пейзажи играют значимую роль, не просто дополняя сюжетные линии произведений, но и обогащая их символическим содержанием. Каждое

описание природы пронизывает произведения глубоким философским смыслом, отражая внутренние состояния и мысли автора. Символический аспект пейзажей в творчестве Паустовского является ключевым элементом, отражающим его философское мировоззрение и отношение к жизни в целом. В его произведениях каждая деталь природы несет в себе скрытый смысл, раскрывая авторские мысли о времени, судьбе и пространстве. Анализ символического значения пейзажей в творчестве Паустовского позволяет читателям глубже погрузиться в мир его литературных произведений. Это помогает расширить понимание его таланта и философского видения мира, открывая новые перспективы для интерпретации его произведений и исследования их смыслового содержания.

Л и т е р а т у р а

1. Пигарев, К. В. Литература и изобразительное искусство : Очерки о рус. нац. пейзаже середины XIX в. / К. В. Пигарев. – Москва : Наука, 1972. – 123 с.
2. Левина, В. Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры : автореферат дисс. ... д. филол. н. / Левина Вера Николаевна. – Тамбов, 2013. – 46 с. – URL: https://new-diss.ru/_avtoreferats/01006807964.pdf (дата обращения: 07.09.2024).
3. Сапрыкина, Т. В. Эстетический идеал К. Г. Паустовского: прекрасное в природе / Т. В. Сапрыкина // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение, 2011. – № 2. – 197–203 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskiy-ideal-k-g-paustovskogo-prekrasnoe-v-prirode> (дата обращения: 07.09.2024).
4. Терехова, Е. С. Идеино-художественная функция пейзажа в ранней прозе К. Г. Паустовского / Е. С. Терехова // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение, 2011. – № 2. – 204–208 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-hudozhestvennaya-funktsiya-peyzazha-v-ranney-proze-k-g-paustovskogo> (дата обращения: 07.09.2024).
5. Вознесенская, И. М. Лирическая тональность как стилиобразующая черта поздних рассказов К. Паустовского / И. М. Вознесенская // МИРС, 2017. – № 4. – 113–119 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskaya-tonalnost-kak-stileobrazuyuschaya-cherta-pozdnih-rasskazov-k-paustovskogo> (дата обращения: 07.09.2024).
6. Болдонова, И. С. Герменевтическая интерпретация эстетики природы К. Паустовского / И. С. Болдонова, С. С. Ихмелова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/germenevticheskaya-interpretatsiya-estetiki-prirody-k-paustovskogo> (дата обращения 07.09.2024).
7. Летохо, Е. В. Художественный мир малой прозы К. Г. Паустовского 1940–1960-х годов : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Летохо Елена Васильевна. – Москва, 2010. – 19 с. – URL: https://new-diss.ru/_avtoreferats/01004887800.pdf (дата обращения 07.09.2024).
8. Мантрова, С. А. Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910–1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции) : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Мантрова Светлана Александровна. – Тамбов, 2011. – 25 с. – URL: https://new-diss.ru/_avtoreferats/01004917744.pdf (дата обращения: 07.09.2024).
9. Пикулина, И. П. О некоторых чертах романтизма в новеллах К. Г. Паустовского военного времени / И. П. Пикулина // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2006. – № 2. – 19–22 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-chertah-romantizma-v-novellah-k-g-paustovskogo-voennogo-vremeni> (дата обращения: 07.09.2024).
10. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений в восьми томах: т. 7. – Москва : Художественная литература, 1969. – 608 с.
11. Паустовский К. Г. Собрание сочинений в девяти томах: т. 6. – Москва : Художественная литература, 1983. – 624 с.
12. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений в семи томах: т. 7. – Москва : Терра – Книжный клуб, Литература, 2002. – 608 с.

13. Паустовский, К. Г. Родина. Рассказы. Очерки и публицистика / Константин Паустовский. – Москва : Современник, 1972. – 240 с.

References

1. Pigarev, K.V. (1972) Literature and Fine Arts: Essays on the Russian National Landscape in the Middle of the 19th century. Moscow: Nauka. (in Russian)
2. Levina, V.N. (2013) Landscape worldview in the system of Russian linguistic culture. Summary of Ph.D. dissertation (Phylology). Tambov: G.R. Derzhavin Tambov State University. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006807964.pdf [Accessed 7 Sept. 2024]. (in Russian)
3. Saprykina, T.V. (2011) The Aesthetic Ideal of K. G. Paustovsky: the Beautiful in Nature. [Online], Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies (2), pp. 197–203. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskiy-ideal-k-g-paustovskogo-prekrasnoe-v-prirode> [Accessed 7 Sept. 2024]. (in Russian)
4. Terekhova, E.S. (2011) The Ideological and Artistic Function of Landscape in the Early Prose of K. G. Paustovsky. Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies. [Online], (2), pp. 204–208. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-hudozhestvennaya-funktsiya-peyzazha-v-ranney-proze-k-g-paustovskogo> [Accessed 7 Sept. 2024]. (in Russian)
5. Voznesenskaya, I.M. (2017). Lyrical Tonality as a Style-forming Feature of K. Paustovsky's Late Short Stories. [Online], MIRS, (4), pp. 113–119. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskaya-tonalnost-kak-stileobrazuyuschaya-cherta-pozdnih-rasskazov-k-paustovskogo> [Accessed 7 Sept. 2024].
6. Boldonova, I.S., Ikhemelova, S.S. (2019) Hermeneutical Interpretation of the Aesthetics of Nature K. Paustovsky. Bulletin of the Buryat State University. Philosophy (3). [Online], pp. 55–61. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/hermenevticheskaya-interpretatsiya-estetiki-prirody-k-paustovskogo> [Accessed 7 Sept. 2024].
7. Letokho, E. V. (2010) The artistic world of K. G. Paustovsky's small prose of the 1940s–1960s. Summary of Ph.C. dissertation (Phylology). Moscow: Moscow State Regional University. Available from: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004887800.pdf [Accessed 7 Sept. 2024]. (in Russian)
8. Mantrova, S. A. (2011) Man and nature in K. G. Paustovsky's prose of the 1910s–1940s (typology of the hero, specifics of the conflict, the problem of creative evolution). Summary of Ph.C. dissertation (Phylology). Tambov: G.R. Derzhavin Tambov State University. Available from: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004917744.pdf [Accessed 7 Sept. 2024]. (in Russian)
9. Pikulina, I.P. (2006) On Some Features of Romanticism in K. G. Paustovsky's Wartime Novels. Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University, (2), pp. 19–22. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-chertah-romantizma-v-novellah-k-g-paustovskogo-voennogo-vremeni> [Accessed 7 Sept. 2024].
10. Paustovsky, K.G. (1969) Collected Works in eight volumes: vol. 7. Moscow: Fiction. (in Russian)
11. Paustovsky K.G. (1983) Collected Works in nine volumes: vol. 6. Moscow: Fiction. (in Russian)
12. Paustovsky, K.G. (2002) Collected Works in seven volumes: vol. 7. Moscow: Terra – Book Club, Literature. (in Russian)
13. Paustovsky, K.G. (1972) Rodina. Stories. Essays and journalism. Moscow: Sovremennik. (in Russian)

ОЩЕПКОВА Анна Игоревна – к. филол. н., зав. каф. русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

Anna I. OSCHEPKOVA – Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Russian Literature of the 20th Century and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

КРИБОВОК Дарья Дмитриевна – студент 3 курса филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: krivobok.darya@bk.ru

Darya D. KRIVOBOK – 3rd-year student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ –

УДК 812:821.512.157-10йунский

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-46-52

Особенности языка поэтических произведений П. А. Ойунского

Н. В. Охлопкова, С. В. Иванова ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. Исследование языковых и стилистических особенностей произведений как в научном, так и в практическом плане является актуальным для стимулирования дальнейшего развития и совершенствования стилистических возможностей языка писателя. Изучение языкового богатства поэтических произведений одного из основоположников якутской советской литературы, поэта, прозаика, драматурга и филолога Платона Алексеевича Слепцова–Ойунского (1893–1939), его стилистических и художественно-изобразительных средств дает возможность не только оценить произведения поэта, но и помогает изучению якутского литературного языка, также состояния искусства слова первой половины XX столетия. В поэзии П. А. Ойунского раскрываются богатые изобразительные возможности, художественные формы лексики якутского языка. Материалом для изучения языка его поэзии послужили тексты произведений из книги «Избранные произведения» (том 1, 1992). Нами рассмотрено около 80 поэтических произведений П. Ойунского, примерно 5636 стихотворных строк. В исследовании использованы метод сплошной выборки, описательный метод. В поэзии П. А. Ойунского широко использованы семантические, лексические и стилистические инновации общехудожественных средств выразительности. Чуткость к языку, свойственная поэту, наглядно проявляется в разнообразной реализации языковых средств. На основе анализа сделан вывод о том, что особенный, героический стиль поэта создан посредством использования им неологизмов, парных, удвоенных слов, синонимов, антонимов.

Ключевые слова: язык поэзии, язык писателя, П. А. Ойунский, лексико-стилистические особенности, художественно-изобразительные средства, парные слова, удвоенные слова, синонимы, антонимы.

Для цитирования: Охлопкова Н. В., Иванова С. В. Особенности языка поэтических произведений П. А. Ойунского. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024. № 3 (15). С. 46–52. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-46-52

Features of the language of Platon Oyunsky's poetic works

N. V. Okhlopkova, S. V. Ivanova ✉

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. The study of the linguistic and stylistic features of works, both in scholarly and practical terms, is relevant for stimulating the further development and improvement of the stylistic capabilities of the writer's language. The study of the linguistic richness of the poetic works by Platon Alekseevich Sleptsov-Oyunsky (1893-1939), one of the founders of Yakut Soviet literature, poet, prose writer, playwright and philologist, and his stylistic and artistic-visual means makes it possible not only to deeply and comprehensively evaluate the poet's works, but also helps to study the Yakut literary language, as

well as the state of the art of the word of the first half of the twentieth century. In the Oyunsky's poetry, the rich pictorial possibilities and artistic forms of the Yakut vocabulary are revealed. The language of Oyunsky's poetic works forms a peculiar style of the writer, which determines the ideas, thoughts of the poet, his mood. The material for studying the language of Oyunsky's poetry was the texts of the poet's poetic works from the book "Selected Works" (volume 1, 1992). The study used the method of continuous sampling and the descriptive method. Based on the analysis, it is concluded that the special, heroic, revolutionary style of the poet was created through his use of neologisms, paired, doubled words, synonyms, antonyms. Sensitivity to language, characteristic of the poet, is clearly manifested in the diverse implementation of linguistic means. In the Oyunsky's poetry, semantic, lexical and stylistic innovations of general artistic means of expression are widely used.

Keywords: language of poetry, language of the writer, Platon Oyunsky, lexical and stylistic features, artistic and visual means, paired words, double words, synonyms, antonyms.

For citation: Okhlopko N. V., Ivanova S. V. Features of the language of Platon Oyunsky's poetic works. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 46–52. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-46-52

Введение

Исследование лингвостилистических особенностей текста открывает новые возможности для раскрытия художественного мира писателя и его произведения в целом. Язык писателя – это творчески обработанный язык народа в самостоятельном его развитии. В. В. Виноградов писал: «Необходимо помнить, что художественное произведение дает эстетически образованное отражение речевой жизни народа в соответствии с идейным замыслом писателя и методом его творчества. Изучение языка писателя содействует углубленному пониманию его образов, его идейных тенденций, индивидуального своеобразия, его словесно-художественного мастерства. В этом аспекте язык писателя обращен к его индивидуальному стилю» [1].

Именно язык поэзии дает возможность автору максимально использовать семантические и стилистические особенности слова, подчеркнуть тонкие оттенки смысла и выразить авторскую оценку явлений. Тем самым в языке произведений мастеров художественного слова оттачиваются не только современный литературный нормативный язык, но и стилистическая норма художественной речи как одного из функциональных стилей якутского языка. Исследование языковых и стилистических особенностей произведений как в научном, так и в практическом плане является актуальным для стимулирования дальнейшего развития и совершенствования стилистических возможностей языка писателя.

Изучение языкового богатства поэтических произведений одного из основоположников якутской советской литературы, поэта, прозаика, драматурга и филолога П. А. Слепцова–Ойунского, его стилистических и художественно-изобразительных средств дает возможность не только глубоко и разносторонне оценить его произведения, но и помогает изучению якутского литературного языка, также состояния искусства слова первой половины XX столетия. В поэзии П. А. Ойунского раскрываются богатые изобразительные возможности, художественные формы лексики якутского языка. Для создания образности поэтического текста авторами привлекаются различные виды лексических единиц.

Язык поэтических произведений П. А. Ойунского

Язык поэтических произведений П. А. Ойунского образует своеобразный, свойственный только ему стиль стиха. Своеобразное употребление слов создает стиль произведения, а стиль предопределяет все: идеи, мысли поэта, его настроение через призму семантики слова.

Как писал Г. А. Гуковский, «понять идею литературного произведения – это значит понять идею каждого из его компонентов в их синтезе, в их системной взаимосвязи, компонентов в частности. При этом важно учесть именно структурные особенности произведения, – не только слова-кирпичи, из которых сложены стены здания, столько структуру сочетания этих кирпичей как частей этой структуры, и их смысл» [2. с. 101]. Чтобы постичь мысль поэта, надо не только понять содержание, но и необходимо глубоко изучить язык произведения, изучить каждое слово, понять сочетание слов, их структуру. Анализ языка, выявление своеобразного употребления слов отдельного поэта открывают свойственный только ему стиль написания стиха.

Материалом для изучения данной работы послужили тексты около 80 поэтических произведений П. Ойунского: примерно 5636 стихотворных строк, в которых использованы 12 тысяч 344 слов. Поэтические произведения нами распределены по следующим темам:

1. Тема Октябрьской революции. Сюда включены около 25 поэтических произведений, такие как: «Үлэһит ырыата» («Песня труженика»), «Көһүл ырыата» («Песня свободы»), «Бастын барҕа баһыыба» («Огромное спасибо») и др.

2. Тема гражданской войны: «Харачаас», «Мин бэккэ ытабын» («Я метко стреляю»), «Саха саллаатын ырыата» («Песня якутского солдата») и др., всего 20 произведений.

3. Герои, персонажи эпохи гражданской войны: «Генерал Тойон» («Господин генерал»), «Үрүн бандыыт ырыата» («Песня белого бандита»), «Хаппытаал саллаата» («Солдат капитала»), «Артыаллар, уруйдаан» («Артисты, славьте») и др., всего 15 произведений.

4. Лирические произведения: «Татыыйк ыллыыра» («Песня синицы»), «Бу уоттаах бакаалы» («Этот огненный бокал»), «Ийэм Дьэбдьэкиэй унуоҕар» («На могиле матери Евдокии»), «Таатта үрэх үрдүгэр» («Над Таттой-рекой») и др., всего 20 произведений.

Поэтическое творчество П. А. Ойунского неразрывно связано с его революционной и общественной деятельностью. Поэтому в его поэзии много терминологической лексики времен гражданской войны, революционного движения, заимствованные из русского языка. В поэтических произведениях П. Ойунского нами найдены 487 заимствованных русских слов, из них около 60 терминов, употреблявшихся в годы Октябрьской революции и гражданской войны: *бассабыык* (большевик), *хомууна* (коммуна), *хомунуус* (коммунист), *Илийиис* (Ильич), *хаппытаал* (капитал), *кыһыллар* (красные), *баай* (богач), *сэбиэскэй* (советский), *бурсуй-кулаак* (буржуй-кулак) и др.

Известно, что П. А. Ойунский для образования новых терминов использовал аффиксы, в том числе неологизмы, аналогичные употребляющимся словам с омертвевшими словообразовательными элементами. В дальнейшем эти положения нашли отражение в его диссертационной работе и статье «Законы изменения языка и наши задачи» [5].

В произведениях П. А. Ойунского необычайно актуализировались и превратились в «опорные» несущие основную идейно-эстетическую нагрузку слова революционной эпохи типа *көһүл* 'свобода', *үлэһит* 'трудящийся', *үлэһит-хамначчыт* 'трудящаяся беднота', 'батраки', *үлэһит-бааһынай* 'рабоче-крестьянский', *хаппытаал* 'капитал' и т. д. Они имеют ярко выраженный общественно-политический смысл, вошли в литературный язык и зажили активной жизнью, все более приобретая терминологическое значение.

На фоне таких слов и другие стилистически нейтральные слова якутского языка зазвучали у П. А. Ойунского по-новому, так как он, как отметили С. П. Данилов, Г. Г. Окорочков, «влил в якутскую поэзию страсть и энергию революционной мысли, напряжение и драматизм классовой борьбы, боевую ораторскую интонацию, язык бушующих страстью митингов» [3]. Такие слова, как *үлэ* 'труд', *дойду* (аан дойду) 'страна (мир)', *кыргыһы* 'сражение, битва', *хабала* 'кабала', *долгун* 'волна', *долгуйуу* 'волнение', *баттал* 'гнет' воспринимаются как несущие значительные социальные понятия, связанные с революцией, классовой борьбой. Подобные слова отражают эпоху Октябрьской революции и гражданской войны. Но нужно здесь заметить и то, что

употребление этих слов не предопределяет стиль поэта. Свойственный только ему ритм и поэтический слог создают высокий, героический стиль поэта.

Как известно, П. А. Ойунский в своем творчестве широко использовал форму поэтических текстов устного народного творчества, которые создаются в основном методом параллелизма, где широко употребляются синонимия слов и морфологические формы повторов, парные словосочетания, антонимы. Художественно богатый, экспрессивно-эмоционально окрашенный язык его поэтических произведений богат парными, образными, звукоподражательными словами.

Парные слова, являющиеся одним из видов сложных слов, часто встречаются в поэзии П. А. Ойунского. Например, стихотворение «Муора» («Море»), воспевающее мощь и красоту моря, состоит из 122 слов, где использовано 24 парных слов. В рассмотренных нами поэтических произведениях поэта выявлены всего 232 парные слова, из них 100 – парные имена существительные (*дьон-норуот, бурсуй-кулаак, үөрэххэ-сырдыкка* и др.), 60 – имена прилагательные (*тибишлээх-тиһиктээх, саталаах-саргылаах, хара-кыра* и др.), 40 – парные деепричастия (*уста-долгуйа, синнэн-охтон, часкыйан-часкыйан* и др.), 32 – парные образные глаголы (*ымангыр-далластыр, битийэр-бэйбэнниир* и др.). В поэтических произведениях, написанных в период с 1917 по 1927 гг. из 37 стихотворений в тридцати использованы парные слова. Своеобразное употребление парных слов, кроме упорядочивания строк и создания ритма стиха, является стилистической особенностью языка поэзии П. А. Ойунского, создающей героический, революционный пафос его поэзии. Парные слова в его поэзии не только необычайно усиливают лексическое значение компонентов, но и приобретают дополнительный эмоционально-экспрессивный, образный смысл. Мастерски употребленные поэтом, они придают произведениям внутреннюю напряженную энергию, страсть, имеют свою неповторимую динамическую силу только в контексте.

Наряду с общеупотребительными парными словами типа *аас-туор* ‘голодный’ (люд), *эт-тыын* ‘выступать ораторствовать’, *ытаа-соҥоо* ‘рыдать’, *дьол-соргу* ‘счастье-удача’, *үөрүү-көтүү* ‘торжество’, *эрэй-буруй* ‘невзгоды’, *кыай-хот* ‘торжествовать победу’, *сор-мун* ‘лихая доля’, *хаһытаа-ыһытаа* ‘шуметь-кричать’, *көрүлээ-нарылаа* ‘гулять-веселиться’, *уруй-айхал* ‘слава-хвала’ часто встречаются парные слова неологизмы, созданные автором, такие как, *дирбиэн-дарбаан, дирбийэн-дарбийан, тибийэн-табийан, сааппат-саспат, кичэйэн-хачайан* и др. Многие парные слова, созданные П. А. Ойунским и внесенные в его произведения, необычайно обогатили выразительные средства литературного языка, демонстрировали изобразительную силу и неисчерпаемые ресурсы якутского языка в сложении слов.

Наряду с парными словами часто встречаются слова с удвоенной основой. В рассмотренных нами поэтических произведениях найдены 60 слов с удвоенной основой. В основном удваиваются звукоподражательные, образные слова (*тип-тип, лын-лын, бурдугунуу-бурдугунуу, сыбыргы-сыбыргы* и др.), деепричастия (*ыты-ыты, түлэ-түлэ* и др.), местоимения (*мин-мин, кини-кини* и др.), например:

*Үтүө үйэ үөскүүрүн үгүс бэйэбит,
Үөрэ көрсөн, үөрэхтэ үөскэтиэххэ.
Үтүө убайдаар!
Ыты-ыты ыччат
Кини ылаан эрэбин, эдьидээр*

[4, с. 13]

*Новый добрый век многочисленны, мы,
Встретив радостно, займемся грамотой,
Братья старшие! Я, парень молодой,
Со слезами пою, сестры мои!*
(перевод Т. И. Петровой) [6, с. 5]

Кроме того, нами найдено 30 звукоподражательных слов (*сир-сир, лин-лин, сыр-сыр* и др.), 66 звукоподражательных глаголов (*лынкыныр, кынкыныр, лиһийэр* и др.), 134 образных глаголов (*бардыргы, бадьаллан, хантаарыны* и др.). Обилие звукоподражательных слов является особенностью языка его произведений.

Звукоподражательные слова делают язык поэзии красочным, выразительным. Также они создают ритм марша, пафос, присущий поэтическим произведениям П. А. Ойунского. Звукоподражательные слова создают образ, также особенную лексику поэзии. Так как революционная лирика поэта имеет характер призыва к борьбе против несправедливости, то и язык его произведений ритмичный. Четкий ритм марша в основном передают звукоподражательные слова с удвоенной основой, например, в таком плане:

*Халын хаар суугунуур, Снег шушит между глыб,
Хатааһын чункунуур, А мороз скрип да скрип,
Силлиэ тыал сиксиллэр, Выйдешь ли на крыльцо –
Сирэйгэ сипсиллэр, Ветер воет в лицо.
Сир-сир-сир (Перевод О. Шестинского)
Сирилиир...*

[4, с. 184]

Или:

*Хаһытаатар хамнаабат В ночной недвижной темноте
Харанга баран түүнгэ Заржал железный конь,
Хайа арбаһын курдук Клубится пар в его ноздрях,
Харааран туран эрэ, Душа его – огонь.
Уот тыыннаах, Огромный, словно горный крещ,
Уу күүстээх Со свистом дышит он...
Локомотууп обургу (Перевод О. Сендыка)
Лочур-лочур охсунна,
Сыыгыны-сыыгыны
Сыйыты тимири ыстаал
Сыныһын үрдүгэр
Сыналыһан туран,
Сыр гына сырдыгынаата,
Сыбыр-сыбыр тыыммахтаата...*

[4, с. 72]

П. А. Ойунский, являясь убежденным приверженцем новой социальной позиции, стремился в своем творчестве использовать русские интернациональные слова. В своих произведениях он вводил неологизмы – русизмы исключительно умело, сочетая их с общеупотребительными якутскими словами со сходными значениями и звуковыми обликами: өрөгөйдөөх өрөбөлүүссүйэ ‘победоносная революция’, баай-бампыыр ‘богач-мирод-вампиры’, буулаба бурсуй ‘лютый буржуи’, хааннаах хаппытаал ‘кровожадный капитал’, например:

<i>Көһүлгүн тутабын</i>	<i>Свободу получить</i>
<i>Көнөргүн көрөннөр,</i>	<i>Ты должен навсегда,</i>
<i>Батталтан барбарбыт</i>	<i>Пусть дохнут от нужды</i>
<i>Баай бампыыр аймаба...</i>	<i>Вампиры-господа...</i>

[4, с. 101].

(Перевод А. Сендыка)

Одним из лексических особенностей языка поэтических произведений П. А. Ойунского является использование близких по смыслу слов – синонимов. Синонимы, использованные в стихотворных текстах, помогают автору передать яркие оттенки в определении предметов, их признаков, действий и выражать мысль более конкретно и точно. Именно умение использовать синонимы дает возможность не только образно, но и правильно выразить мысли, избегая повторных употреблений одного и того же слова. Несмотря на то, что синонимы выражают одно и то же понятие, являются словами тождественными или с предельно близкими значениями, они имеют разную стилистическую окраску, при этом отличаются дополнительным оттенком функционального или экспрессивного характера.

П. А. Ойунский широко использует синонимы, в рассматриваемых нами примерах эти средства использованы для достижения стилистической цели автора в целом: 1) для усиления значения, и воздействия на читателя, например:

*Икки харахпыт итии-сылаас уутун ингэрбит
Ийэ буор сирбитигэр,
Айыллыбыт аан дайдыбытыгар,
Силлиэ-буурба охторбот, сингэн-охтон биэрбэт... [4, с. 126].*

*Мы немало слез пролили, горьких слез,
но среди моей таежной стороны
каждый род якутский в землю корнем врос,
не страшны метели нам и бури не страшны... (перевод О. Шестинского);
2) для характеристики героев произведения:
Кыһалбаа кыбыппыт, кырыыска киллэрбит,
Кыра дьону кыһыл хаанынан
Бар олохтообут, ытаппыт-соһоппут..... [4, с. 15].*

*Богатеев, что нас доводили до слез,
клявших тех, кто был беден, бездомен и бос... (перевод О. Шестинского).*
Для усиления смысла произведения П. Ойунский использует синонимический параллелизм, что можно наблюдать в этом примере:

*Хаппытаал баарына кыыс оҕо ытыыра,
Хамначчыт тулаайах буолаахтаан сонгуура:
Үрүҥ күн сырдыгын хотонго барыыра,
Үүрүллүү-тэпсилли кинини муннуура [4, с. 187].*

*Жил ребенок беспризорный сиротою,
А ребенок жизнь свою едва лишь начал,
Белый день встречал в хлеву не за игрою,
От зари и дотемна он все батрачил... (перевод О. Шестинского).*

Отличительным стилистическим средством, используемым поэтом, является частое использование противоположных по значению слов – антонимов. П. А. Ойунский использует антонимы как сильное художественно-стилистическое средство, оживляющее речь, делая ее более яркой, образной. Они в соответствии с природой контрастных отношений моментально воздействуют на чувства читателей, закрепляются в сознании. Антонимы употребляются поэтом для создания контраста, т. е. резко противопоставляются друг другу различные явления. При помощи антонимов поэт усиливает значения слов, создавая тем самым яркие неповторимые образы:

<i>Тибиилээх-тиһиктээх күннэргэ</i>	<i>В метельно-ледяные дни,</i>
<i>Тибийэн-табыйан тураммыт</i>	<i>Как ураганный вихрь восстав,</i>
<i>Баай дьон батталын барыахпыт,</i>	<i>Искореним всех богачей</i>

Барбах дьоннор барбараахпыт [4, с. 28]. Мы, бедный люд, рукой своей... (пер. О. Шестинского)

Поэт также умело использует парные антонимы:

<i>Хара дьайдарын алдьатан,</i>	<i>На всех рубежах разгромив</i>
<i>Хампарыта охсон,</i>	<i>И белых и черных врагов,</i>
<i>Үрүҥ-хара сэриилэри</i>	<i>Усилим мы яркий порыв</i>

Үнтүрүтэ тэпсэн... [4, с. 40]. И поступь солдатских шагов.
(пер. О. Шестинского)

Заключение

Как показывает анализ лексики поэтических произведений, П. Ойунский часто обращается к таким средствам усиления выразительности образно-художественной речи, как повтор, параллелизм. Эти синтаксические фигуры, наподобие музыкальных оборотов и повторяющихся музыкальных фраз, придают стихотворениям особое благозвучие, усиливая тем самым эстетическое воздействие поэтического текста.

В поэзии П. А. Ойунского широко использованы грамматические, семантические, лексические и стилистические инновации общехудожественных средств выразительности. Чуткость к языку, свойственная поэту, наглядно проявляется в разнообразной реализации языковых средств. Так особенный, героический стиль поэта создан посредством использования им неологизмов, парных, удвоенных слов, синонимов, антонимов.

Литература

1. Виноградов, В. В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка художественной литературы / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания, 1955. – 423 с.
2. Гуковский, Г. А. Изучение литературного произведения в школе / Г. А. Гуковский. – Москва ; Ленинград, 1966. – 109 с.
3. Данилов, С. П. Поэзия борьбы и созидания / С. П. Данилов, Г. Г. Окорочков // П. А. Ойунский. Стихотворения. – Ленинград, 1978. – 414 с.
4. Ойунский, П. А. Избранные сочинения / П. А. Ойунский ; Том I. – Якутск, 1992. – 336 с. (на якут. яз.).
5. Ойунский, П. А. Законы изменения языка и наши задачи. / П. А. Ойунский // Сборник трудов Института языка и культуры при СНК ЯАССР. Вып. 1. – Москва, 1937.
6. Петрова, Т. И. Ойунский : Новые переводы стихотворений / Т. И. Петрова. – Якутск : Бичик, 2003. – С. 40–41.
7. Слепцов, П. А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм / П. А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 264 с.

References

1. Vinogradov, V.V. (1955) The Problem of Historical Interaction of the Literary Language of Fiction. In: Vinogradov, V.V. *Questions of Linguistics*. (In Russian)
2. Gukovsky, G.A. (1966) *The Study of a Literary Work at School*. Moscow-Leningrad. (In Russian)
3. Danilov, S.P., Okorochkov, G.G. (1978) Poetry of Struggle and Creation. In: Ojunskey, P.A. *Poems*. Leningrad. (In Russian)
4. Ojunskey, P.A. (1992) *Selected Works*. Yakutsk. (In Russian)
5. Ojunskey, P.A. (1937) The laws of language change and our tasks. In: *Proceedings of the Institute of Language and Culture at the SNK YAASSR. Issue 1*. Moscow. (In Russian)
6. Petrova, T.I. (2003) *Ojunskey: New Translations of Poems*. Yakutsk: Bichik, pp. 40–41. (In Russian)
7. Sleptsov, P.A. (1986) *Yakut Literary Language. The Origins. The Formation of Norms*. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)

ОХЛОПКОВА Нюргуяна Владимировна – ведущий специалист отдела подготовки научных кадров Департамента науки и инноваций, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: nurguanna77@mail.ru

Nyurguyana V. OKHLOPKOVA – Leading Specialist, Sector of Scientific Personnel Training, Department of Science and Innovation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ТЕКСТОЛОГИЯ –

УДК 821.512.157-32 Гаврильева.09
DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-53-58

**Сопоставительный анализ двух редакций
рассказа В. Гаврильевой о Красной Шапочке и Сером Волке,
Манчаары и Кэрэ Кэтириис**

Т. Л. Андросова
г. Якутск, Россия
✉ jaero996@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом читателей к творчеству В. Н. Гаврильевой, а также необходимостью осмысления и анализа ее произведений с позиции новых эстетических и методологических требований времени. Цель исследования – выполнить сравнительно-сопоставительный анализ журнальной (1970 г.) и книжной (1971 г.) редакций рассказа «Красная Шапочка и Серый Волк, а также история о том, как старик Баһылайка чуть не «поумнел», и еще о Манчаары, который тайно увел Кэрэ Кэтириис» якутской писательницы Валентины Гаврильевой. Статья посвящена выявлению поправок и способов усовершенствования произведения, анализу динамики роста мастерства автора в связи с подготовкой к изданию сборника «Шиповник» и обучением в Литературном институте. Данный рассказ является единственным произведением в творчестве писательницы, у которого нами установлено две редакции. В этом плане сравнительно-сопоставительный анализ произведений В. Н. Гаврильевой выполняется впервые, что может указывать на научную новизну исследования. В заключении работы выявлены идейно-композиционные доработки автора, а именно коррективы художественного замысла и частей композиции, изменение имен персонажей. Результаты данного исследования могут быть применены в дальнейшем изучении истории развития прозы в якутской литературе, поэтики творчества якутской писательницы В. Н. Гаврильевой.

Ключевые слова: якутская литература, Валентина Гаврильева, рассказ, авторская редакция, сравнительно-сопоставительный анализ.

Для цитирования: Андросова Т. Л. Сопоставительный анализ двух редакций рассказа В. Гаврильевой о Красной Шапочке и Сером Волке, Манчаары и Кэрэ Кэтириис. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024. № 3 (15). С. 53–58. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-53-58

**Comparative analysis of two editions
of the story by Valentina Gavrilyeva
about Little Red Riding Hood and the Gray Wolf,
Manchaary and Kere Katiris**

T. L. Androsova
Yakutsk, Russia
✉ jaero996@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the increased interest of readers in the work of Yakut writer Valentina Gavrilyeva, as well as the need to comprehend and analyze her works from the perspective of new aesthetic and methodological requirements of the time. The purpose of the study is to perform a comparative analysis of the magazine (1970) and book (1971) editions of the story

"Little Red Riding Hood and the Gray Wolf, as well as the story of how the old man Bahylayka almost "got smarter" and about Manchaary, who secretly took Care of Katie" by Gavrilyeva. The article is devoted to identifying amendments and ways to improve the work, analyzing the dynamics of the growth of the author's skill in connection with the preparation for the publication of the collection "Rosehip" and studying at the Literary Institute. This story is the only work in the work of the writer, which we have established two editions. In this regard, a comparative analysis of the works by Gavrilyeva is performed for the first time, which may indicate the scholarly novelty of the study. At the end of the work, the author's ideological and compositional improvements were revealed, namely, adjustments to the artistic idea and parts of the composition, changes in the names of characters. The results of this study can be applied in the further study of the history of the development of prose in Yakut literature, the poetics of the work of Yakut writer Valentina Gavrilyeva.

Keywords: Yakut literature, Valentina Gavrilyeva, short story, author's edition, comparative analysis.

For citation: Androsova T. L. Comparative analysis of two editions of the story by Valentina Gavrilyeva about Little Red Riding Hood and the Gray Wolf, Manchaary and Kere Katiris. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 53–58. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-53-58

Введение

Произведение В. Гаврильевой «Кыһыл Бэргэхчээн уонна Сур Бөрө итиэннэ Баһылайка оҕонньор «өйдөнө» сыспытын туһунан, өссө уонна Манчаары Кэрэ Кэтириини күрэппитин эгин тустарынан» («Красная Шапочка и Серый Волк, а также история о том, как старик Баһылайка чуть не «поумнел», и еще о Манчаары, который тайно увел Кэрэ Кэтириис») – один из самых необычных, объемных рассказов автора, где пристальное внимание уделяется причудливому характеру главного персонажа Баһылайка.

Произведение было написано летом 1969 г. в селе Майя Мегино-Кангаласского района Якутии. В то время В. Гаврильева училась в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве.

В 1970 г. в январском номере журнала «Хотугу сулус» [1] была опубликована первая редакция рассказа. Первоначальное название произведения – «Харачаан оҕус уонна кини үтүө санаалаах иччилэрин тустарынан» («О бычке Харачаан и о его добрых хозяевах»).

Вторая, переименованная и дополненная, редакция вошла в сборник «Дөлүһүн уга» («Шиповник») [2] под названием «Кыһыл Бэргэхчээн уонна Сур Бөрө итиэннэ Баһылайка оҕонньор өйдөнө сыспытын туһунан, өссө уонна Манчаары Кэрэ Кэтириини күрэппитин эгин тустарынан» («Красная Шапочка и Серый Волк, а также история о том, как старик Баһылайка чуть не «поумнел», и о Манчаары, который тайно увел Кэрэ Кэтириис»). Сборник с отдельным настроением и интонацией [3] издан в связи со знаменательной для В. Гаврильевой датой, когда она окончила Литературный институт (1971 г.).

Примечательно то, что это единственное произведение В. Гаврильевой, у которого нами установлено две редакции, и где отмечаются ярко выраженные изменения в именах персонажей, художественного замысла и частей композиции. Сравнительно-сопоставительный анализ вышеупомянутых редакций поможет определить рост мастерства писательницы за определенное время, а также значительное влияние обучения в Литературном институте.

Сравнительно-сопоставительный анализ

По заголовку произведения, как считает Н. Д. Тамарченко, часто судят о содержании, системе персонажей и т. д. [4]. В первой редакции рассказа на передний план выходит

именно бык, чьей судьбе уделено более пристальное внимание. Во второй редакции особый интерес вызывает попытка «поумнеть» главного героя Баһылайки, кроме этого, автор делает акцент на Красную Шапочку и Серого Волка, Манчаары и Кэрэ Кэтириис. Следовательно, переименовав рассказ, В. Гаврильева планирует вести новую систему персонажей. При сравнительно-сопоставительном анализе двух редакций выясняется, что писательница внесла изменение и в имя быка (Харачаан и Харачаас). Замена звонкой фонемы [н] на глухую [с], возможно, обусловлено намного гармоничным звучанием.

Как отмечал Д. С. Лихачев, имеются многочисленные случаи недовольства авторов своим произведением, в большинстве случаев частичным недовольством, вызванным в результате изменений мировоззрения, интересов, художественных вкусов, появления новых навыков работы и новых творческих замыслов и пр. [5]. Так, при сравнительно-сопоставительном анализе двух редакций рассказа В. Гаврильевой нами выявлены идейно-композиционные доработки.

Первая редакция состоит из четырех частей, а вторая – из пролога и пяти частей, где пятая часть выступает как эпилог. В прологе, экспозиции литературного произведения, в которой излагается исходная фабульная ситуация или разъясняется его замысел и основное содержание [1], повествуется история о Красной Шапочке, которая встречает Серого Волка:

Ол кыысчаан, баҕар, мин да эбитим буолуо...

Хаһан эрэ, хаһан эрэ өрдөөбүтэ Кыһыл Бэргэхчээн диэн кыра кыыс тыаҕа тахсыбыта. Ыраах баран хаалбытын бэйэтэ билбэтэҕэ. Иннигэр эмискэ уһун тылын былас түһэрбит Сур Бөрө хантан да кэлбитэ биллибэккэ барыс гына түспүтэ. Оттон кыысчаан буоллабына кыра этэ, кини Сур Бөрө – сур бөрө буолуохтаабын билэ илигэ, ол иһин киһилии кэпсэтэ турбута...

Эһэлээх эбэтэ Кыһыл Бэргэхчээни күүтэллэр да күүтэллэр, күн бүгүнүгэр дылы күүтэллэр...

Ол кыысчаан, баҕар, мин да эбитим буолуо, баҕар, эн да эбитим буолуо – сир-дойду, хара тыа киэн. Кыһыл Бэргэхчээннэр да элбэхтэр, Сур Бөрөлөр кинилэргэ үөмэллэр да үөмэллэр...

Чэ бээ, ити туһунан мин кэлин, арба даҕаны, уус Баһылайкалаах иэдээнгэ түбэспиттэрин туһунан истибиккит дуо? [2, с. 113].

/Этой девочкой, возможно, была я сама...

Давным-давно маленькая девочка по имени Красная Шапочка пошла в лес и не заметила, как забрела далеко. Вдруг перед ней неизвестно откуда появился Серый Волк с длинным высунутым языком. А девочка была еще маленькой, и еще не знала, что Серый Волк – это серый волк, поэтому разговаривала с ним как будто с человеком...

Дедушка с бабушкой ждут-пождут Красную Шапочку, до сих пор ожидают...

Этой девочкой, возможно, была я, возможно, была ты – мир вокруг, темный лес бескрайние. Да и Красных Шапочек тоже много, а Серые Волки все крадутся к ним и крадутся...

Ладно, об этом чуть позже, кстати, слышали про то, как кузнец Баһылайка попал в беду? / (пер. наш – Т. А.).

В данном введении автор раскрывает содержание и идею произведения, заключающуюся в неувимости прекрасного [6]. Вместе с тем проводит параллель между героями (в творчестве В. Гаврильевой такое часто наблюдается): Серый Волк – Баһылайка, Красная Шапочка – Харачаас. Внезапно появившийся перед Красной Шапочкой Серый Волк – внезапное решение Баһылайки на счет будущего, которое оправдывает ту трагическую ситуацию, где после внезапной смерти единственной коровы перед героями встает вопрос об обмене или продаже Харачаас. То есть, страхи Красной Шапочки и Харачаас развиваются параллельно, открывают читателям глаза на житейские трудности.

Баһылайка, как и Ньюкуу, главный герой другой повести В. Гаврильевой «Уот Дьулустаан», верит в существование некой страны «Эльдорадо» [6]: *«Ханна эрэ, ханна эрэ балысхан байбал күүгэннирэ олорор биэрэгэр, туруору очуос таас хайалар быыстарыгар дыкти куорат баар дишлэр ээ»* [2, с. 118]. / *Говорят, где-то, далеко на берегу, где пенится шумное море, среди отвесных каменных скал, есть удивительный город* /. Как мы предполагаем, В. Гаврильева, приведя в пример «Эльдорадо» Дон Кихота в своем произведении, использует излюбленный метод М. Сервантеса, заключающийся в диалоге с читателями. Так, писатель обращается к читателю: *«Биһиги ити курдук түөрэ сатыы-сатыы түөрэн саныы олордохпунуна, хата Баһылайка оҕонньорбут тиийиэхтээх сиригэр тиийэн, кэлиэхтээх сиригэр кэлэн, итии чэй иһэн бусхата олорбута. Биһи даҕаны, хата, кинини батыһыабын, ыал аһа миннигэс дишлэр, хата киһирэн чэйдизбин, тугу-ханныгы кэпсэтэллэрин истиэбин»* [2, с. 121]. / *Когда мы так тщательно вспоминали обо всем, старик Баһылайка дошел до назначенного места и сидит, пьет горячий чай. И мы, скорее всего, последуем за ним, не зря говорят «еда у соседей вкуснее», давайте-ка выпьем чаю, послушаем, о чем они разговаривают* /. Подобная беседа с читателями наблюдается и в прологе нашего рассказа, а также в последующих произведениях В. Гаврильевой («Великое путешествие Старца Ибрагима, хитрого как лиса Сэмэна Большая Голова и Сергея» (1970) и т. п.).

Кроме вышеуказанного, автор, добавив в название рассказа историю о том, как Манчаары увел свою Кэрэ Кэтириис, проводит следующую параллель: Баһылайка и Манчаары, Харачаас и Кэрэ Кэтириис. Как и Манчаары, Баһылайка тоже уводит быка от женщины: *«Ээ, арба даҕаны доҕоор, арааһа, биһи били Манчаары Кэрэ Кэтириһин күрэтэн ааспыт суолунан истэхпит буолуо. Оннук кэпсээн баар ээ, биһр бардам баай ылаары сылдьар кыыһын Манчаары күрэтэн турар. Дьон кэпсиһлэринэн буоллабына, ол үчүгэйкээн бөҕө, кэрэ бөҕө кыыс эбитэ үһү. Кэлин Манчаарытын сөбүлээн, олус бэркэ хара тыаҕа саһан олордохторуна, ханна саспыттарын билэһнэр, киһитэ суоҕар кэлэн, дьахтары тутан илдьэ барбыттар диэн кэпсиһлэр. Кэлин Манчаары Кэрэ Кэтириһин сылдьарын былаһын тухары көрдүү сатаабыт да, булбатах...»* [2, с. 121].

/ *Кстати, друг мой, возможно, мы следуем по тому пути, по которому Манчаары уводил свою Кэрэ Кэтириис. Существует такая легенда, что Манчаары увел будущую невесту у одного скупого богача. Как рассказывают люди, она была очень красивой и хорошей девушкой. Рассказывают, будто Манчаары ей потом понравился, и они благополучно прятались вместе в темном лесу, но люди узнали, где они укрылись, пришли, когда Манчаары не было рядом, захватили девушку и увезли. Позже Манчаары всю свою жизнь искал свою Кэрэ Кэтириис, да не нашел...* /.

История о Манчаары (легендарном народном герое), выступая как интертекст, возможно, предопределяет открытый финал произведения (как олонхо об отважном поступке Уот Дьулустаана в повести «Уот Дьулустаан» В. Гаврильевой). Мы предполагаем, что, вероятно, в будущем Харачааса «уведут» от хозяев, так как автор специально отправляет своего героя «по дороге Манчаары». Если Баһылайка «поумнеет», прекратит поиски вымышленного волшебного города и перестанет наивно верить в волшебство, Серый Волк (Баһылайка) проглотит Красную Шапочку (Харачаас):

Ус Баһылайкалаах тустарынан, чэ, тохтоон да эриэххэ. Били Кыһыл Бэргэһэчээн уонна Сур Бөрө ханна-ханна тиийдилэр буолла... Ол туһунан мин билэрим диэн бу эрэ: Баһылайка «өйдөнөн» Харачааһынан эргиннэбинэ, Сур Бөрө Кыһыл Бэргэһэчээни ыйыстыа, Манчаары Кэрэ Кэтириһин көрдүүрү уурайдабына, Сур Бөрө Кыһыл Бэргэһэчээни ыйыстара чахчы. Оннук эрэ буолбатар, бу орто дойду мочура-чочура дэхсилэммэтэбин да иһин, оннук эрэ буолбатар!

Ааттаһабын аал уоппунан, айгыр силик аар тайбабынан, үс үөстээх Өлүөнэ өрүсүнэн, ааттаһабын тыйыс олохпунтан, олус өйдөөх үйэбиттэн – инньэ эрэ гыныман.

Оттон Кыһыл Бэргэһэчээн кэнниттэн Сур Бөрө билигин даҕаны үөмэр да үөмэр... [2, с. 126].

/ Про кузнеца Баһылайку давайте пока забудем немного. Где-же, где-же та Красная Шапочка и Серый Волк, что с ними стало? Об этом знаю только то, что если Баһылайка «поумнеет» и продаст Харачааса, то Серый Волк проглотит Красную Шапочку. Если Манчаары перестанет искать Кэрэ Кэтириис, Серый Волк проглотит Красную Шапочку наверняка. Лишь бы не случилось такое, хоть жизнь срединного мира не лишена трудностей, лишь бы такое не случилось!

Умоляю священным огнем, благодатной великой тайгой, трехруслой Леной рекой, умоляю у суровой жизни, очень умного века – только не делайте такое.

А за Красной Шапочкой Серый Волк до сих пор крадется и крадется.../.

Автор использует пятую часть рассказа как эпилог, то есть как заключение или финальную часть недраматического литературного произведения, которая обычно служит его обрамлением или завершением и разъясняет его идею [4]. В этой части, как утверждает В. Федоров, В. Гаврильева развязывает все спутанные нити [7].

Заключение

В итоге сравнительно-сопоставительного анализа двух редакций рассказа «Красная Шапочка и Серый Волк, а также история о том, как старик Баһылайка чуть не «поумнел», и о Манчаары, который тайно увел Кэрэ Кэтириис» (журнальная 1970 г. и книжная 1971 г.) мы выяснили, что они значительно отличаются и свидетельствуют о доработке автором в ходе организации издания второго сборника «Шиповник» в честь окончания Литературного института в 1971 г.

В. Гаврильева, переименовав первую редакцию, акцентирует внимание на характере и мировоззрении главного героя Баһылайки, усиливает полемический пафос произведения, ссылаясь на Красную Шапочку и Манчаары.

Во второй редакции выявлены изменение имени персонажа, целью которого является наилучшее звучание; дополнение в композиции произведения – добавление эпилога и пролога.

Произведения зарубежной литературы стали примером для подражания для В. Гаврилевой. Автор отсылает читателей к роману М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», а именно к европейской манере диалога с читателем.

Л и т е р а т у р а

1. Гаврильева, В. Н. Харачаан оҕус уонна кини үтүө санаалаах иччилэрин тустарынан / В. Н. Гаврильева // Хотугу сулус. – 1970. – № 1. – С. 52–60. (на якут. яз.).
2. Гаврильева, В. Н. Дөлүһүн уга: сэхэннэр, кэпсээннэр / В. Н. Гаврильева. – Якутскай : Саха сиригэҕи кинигэ издательствота, 1971. – 144 с. (на якут. яз.).
3. Окурокова, В. Б. Кэрэбэ сүгүүрүөр суруйааччы / В. Б. Окурокова // Өлүөнэ сарсыардата : «Сахаада» хаһ. сыһ. – 1996. Сэттинньи 14 к. – С. 6–7. (на якут. яз.).
4. Тамарченко, Н. Д. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко – Москва : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.
5. Лихачев, Д. С. Текстология : Краткий очерк / Д. С. Лихачев. – Москва ; Ленинград : Наука. – 1964. – 106 с.
6. Бурцев, А. А. Якутский рассказ XX века : проблематика и поэтика жанра / А. А. Бурцев. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. – 310 с.
7. Федоров, В. Баһылайка үөһэ тыһнар / В. Федоров // Кыым, 1972, 17 февр. – С. 3–4. (на якут. яз.).

References

1. Gavrilyeva, V. N. (1970) About the Harachaan Bull and about its Kind Owners. *Hotugu sulus*, No. 1, pp. 52–60. (In Yakut)
2. Gavrilyeva, V. N. (1971) *The Rosehip Branch: Novellas and Short Stories*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. (In Yakut)
3. Okorokova, V. B. (1996) The Writer Who Worships the Beautiful. *Olune sarsyardata: appendix to the newspaper Sahaada*", November 14, pp. 6–7. (In Yakut)
4. Tamarchenko, N. D. (2008) *Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. (In Russian)
5. Likhachev, D. S. (1964) *Textology: A Brief Essay*. Moscow–Leningrad: Nauka. (In Russian)
6. Burtsev, A. A. (2019) *Yakut Story of the 20th Century: Problems and Poetics of the Genre*. Yakutsk: NEFU Publishing House. (In Russian)
7. Fedorov, V. (1972) Bakhylayka Sighs. *Кыым*, February 17, pp. 3–4. (In Yakut)

АНДРОСОВА Татьяна Лаврентьевна – магистр филологии, независимый исследователь.

E-mail: jaero996@mail.ru

ANDROSOVA Tatyana Lavrentievna – master of Philology, Independent Researcher.

– РЕЦЕНЗИЯ –

Новая монография о марийском романе

М. В. Рябинина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

✉ mari.riabinina@yandex.ru

Для цитирования: Рябинина М. В. Новая монография о марийском романе. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 3 (15). С. 59–61.

For citation: Ryabinina M. V. New monograph about the Mari novel. *Issues of national literatures.* 2024, No 3 (15). Pp. 59–61. ... (In Russ.)

В российской литературной науке наиболее полно изучен русский роман. Есть исследования об истории становления романа и в других национальных литературах, например, абхазской (В. А. Бигуаа), башкирской (А. Х. Вахитов, Р. Н. Баимов, Р. Ф. Хасанов, З. Г. Мурзагулова, Н. А. Ахметьянова и др.), татарской (Л. К. Хуснутдинова, А. М. Кашапова, Ф. И. Габидуллина и др.), лезгинской (Д. Г. Гусенбекова), кабардинской (Р. Ф. Татарова), мордовской (Е. А. Федосеева, Е. И. Азыркина, С. В. Шеянова и др.) и др.

Марийскими литературоведами также предпринимались некоторые попытки оценить в рамках их монографических и диссертационных исследований отдельные типы романов на определенных этапах развития жанра (работы Г. Н. Сандакова об историко-революционных романах первой половины XX века; А. А. Васинкина о военном романе, Н. А. Федосеевой о современном

документальном романе), а также романские произведения отдельных авторов (работы А. А. Асылбаева – о романе С. Чавайна «Элнет», С. Я. Черныха – о романе М. Шкетана «Эренер» Г. Н. Бояриновой и Л. В. Калашниковой – о романе А. Юзыкайна «Медвежья берлога» и др.). Имеется немало статей об отдельных романских текстах.

Рецензируемая коллективная монография «Марийский роман: история и поэтика», изданная в 2023 г. по результатам работы по грантовому проекту Российского научного фонда (авторы – преподаватели Марийского государственного университета доцент Татьяна Николаевна Беляева, профессор Раисия Алексеевна Кудрявцева, профессор Галина Евгеньевна Шкалина, доцент Надежда Васильевна Гусева), в определенной мере продолжает эти работы, но представляет целостную картину эволюции жанра марийского романа, ставит целью выявить некоторые закономерности его развития на всем протяжении его истории с актуализацией проблем динамики жанрового содержания, поэтики и этнопоэтики.

Как справедливо отмечают авторы монографии, жанр марийского романа – это самобытное явление в общем историко-литературном и национально-культурном контексте XX–XXI вв., и изучение его предполагает комплексный подход, который максимально реализован в рецензируемой работе. Он предполагает, по замечанию

исследователей, рассмотрение как истории, так и современного состояния марийского романа, выстраивание не только историко-литературной картины жанра, но и его теоретической истории; анализ как универсальных, так и национально-специфических аспектов жанрового содержания марийского романа; исследование поэтики жанра романа на всех ключевых уровнях текста.

Методологической основой исследования стали: целостное восприятие художественной картины мира марийского романа, сочетание принципов структурно-семантического анализа текста, историко-генетического, сравнительного-типологического, а также историко-функционального исследования художественных произведений.

Авторами монографии изучено достаточно большое количество романских текстов на трёх выделенных ими основных этапах в развитии жанра: 1) на этапе формирования жанровой структуры романа; 2) в послевоенный период (середина 1950-х – первая половина 1980-х гг.), определяемый ими как этап становления романа как жанра; 3) на современном этапе, когда идет активное развитие жанрового содержания и жанровой поэтики марийского романа. Ставя своей задачей через рассмотрение конкретных опытов романного творчества очертить историю формирования, становления и развития жанра романа в марийской художественной словесности, выявить некоторые закономерности его развития с актуализацией проблем динамики жанрового содержания, поэтики и этнопоэтики, авторы коллективной монографии сосредоточились на научной проблематике, основанной прежде всего на реальной практике функционирования романного жанра. При этом каждый этап в развитии романного жанра в марийской литературе, романное творчество каждого писателя и каждое отдельное романное произведение рассматривается исследователями как конкретно-исторический факт, как явление своего времени и в контексте многообразия творческих индивидуальностей. Именно таким подходом к изучаемому материалу объясняется, например, широкое обращение к первым романским опытам марийских писателей (Сергея Чавайна, М. Шкетана, Шабдара Осыпа, Никона Игнатьева), которые большей частью рассматривались марийскими учеными в рамках теории социалистического реализма. Авторы монографии с новых теоретико-методологических позиций подходят к этому пласту марийского романа и дополняют существующую на сегодняшний день трактовку романов раннего периода широким вниманием к фольклорно-этнографической основе марийского романа, определившей национальную специфику его жанрового содержания и жанровой поэтики.

Новые методологические установки авторов позволили максимально сосредоточить внимание на таких актуальных вопросах, как: 1) художественная картина мира (тематика, проблематика, идейный мир), поэтика и типология характеров персонажей (в контексте этой проблематики проанализированы романы классиков марийской литературы Никона Игнатьева, Шабдара Осыпа, Сергея Чавайна, Никандра Лекайна, Дим. Орая, Вениамина Иванова, а также некоторые романские опыты современности, например, Марии Илибаевой, Леонида Яндака, Йывана Осмина, Михаила Павлова и др.); 2) внутрижанровая типология марийского романа в контексте динамики его поэтики и с точки зрения доминирующих признаков содержания и формы; выделены такие жанровые подвиды романа, как социально-нравственный («Элнет» С. Чавайна), социально-бытовой («Железная воля» и «Земля предков» Н. Лекайна, «Сквозь туманы» Дим. Орая), социально-философский («Ты – мне, я – тебе» В. Бердинского), нравственно-психологический («Велик мир – тесен мир» М. Илибаевой), историко-легендарный («Чоткар», «Мамич Бердей» и «Онар» Л. Яндака), документальный («Между небом и землёй» Йывана Осмина), сатирический («Савик» Н. Игнатьева), военный («В огне великой войны» Н. Лекайна, «Буря» В. Иванова), роман-биография («Путь женщины» Шабдара Осыпа, «Судьба» М. Павлова) и др.; 3) фольклорно-этнографическая основа марийского романа и его фольклорный интертекст на разных этапах его развития (в этом ракурсе изучены,

к примеру, классический роман «Элнет» С. Чавайна и роман нового времени «Между небом и землёй» Йывана Осмина и др.).

Авторы монографии, рассматривая значимые явления из истории формирования и становления романного жанра обращают внимание на динамику художественного осмысления системы ценностных представлений и смыслов марийского народа, национальной идентичности; исследовательская работа позволяет увидеть в динамике систему принципов, приемов и средств художественного выражения этих смыслов (поэтику).

Следует согласиться с авторами монографии в том, что их основные идеи и выводы могут быть привлечены для дальнейших научных исследований по истории марийской литературы, что применяемые исследовательские подходы могут быть реализованы при разработке нового полномасштабного академического труда «Марийская литература XX–XXI вв.», который обобщил бы весь художественный опыт национальной литературы и определил бы основные литературные тенденции и закономерности с точки зрения художественно-эстетических принципов и специфики этноментальности и этнической истории мари. В этом свете безусловный интерес представляют междисциплинарные подходы к изучению романного опыта народа мари (например, нельзя не обратить внимание на анализ романа «Элнет» Сергея Чавайна в единстве марийского языка, фольклора и культурных традиций народа мари, как «языковой метафоры», в контексте мировоззренческих вопросов эпохи, как интеллектуального романа), позволяющие рассматривать содержание собственно литературного текста романа в широком социокультурном контексте, сквозь призму мифологических, философских, эстетических воззрений народа мари, что, безусловно, расширяет горизонты современного регионального литературоведения.

Несомненно, актуальным и перспективным направлением дальнейших исследований видится нам начатое авторами монографии изучение на материале романа проблемы локального текста («шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землёй»).

В заключение заметим, что монографией «Марийский роман: история и поэтика» состоялось целостное видение и новое прочтение истории марийского романа и конкретных его проявлений в индивидуальном художественном опыте писателей. Данная исследовательская работа задает новые теоретико-методологические подходы к анализу марийской национальной литературы на современном этапе и открывает новые перспективы изучения литератур финно-угорских народов и народов Урало-Поволжья.

РЯБИНИНА Марианна Владимировна – к. филол. н., специалист научно-образовательной лаборатории «Марий йылме» Центра изучения уральских языков, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

E-mail: mari.riabinina@yandex.ru

Marianna V. RYABININA – Cand. Sci. (Philology), specialist of the scientific and educational laboratory «Mari language», Center for Uralic Languages Study, Associate Professor Department of the Finno-Ugric and Comparative Philology, National Culture and Intercultural Communication Institute, Mari State University.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

К юбилею профессора СВФУ Анатолия Алексеевича Бурцева

С. В. Тесцов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ s.v.testsov@mail.ru

14 октября 2024 г. исполняется 80 лет доктору филологических наук, профессору кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Анатолию Алексеевичу Бурцеву. Вся его трудовая, научно-педагогическая деятельность связана с высшей школой Республики Саха (Якутия). Выпускник Якутского государственного университета (1967) и аспирантуры МГУ (1975), он последовательно прошел через все ступени вузовской карьеры: от ассистента кафедры русской и зарубежной литературы (1967) через заведование этой кафедрой (1987–2012), руководство филологическим факультетом ЯГУ (1988–1992, 2002–2010) до проректора по гуманитарному направлению СВФУ (2010–2014). В настоящее время он занимает должность профессора кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова.

Как преподаватель А. А. Бурцев разработал лекционные курсы по всем разделам «Истории зарубежной литературы»

от античности до современной мировой литературы, в том числе несколько специальных курсов по английской литературе. Большой преподавательский опыт позволил ему подготовить цикл учебных пособий, три из которых («История зарубежной литературы. Ч. 1», 2007; «История западноевропейской литературы Средних веков и эпохи Возрождения», 2008; «История зарубежной литературы. Ч. 2», 2010, в соавторстве с коллегами О. И. Ивановой и С. В. Тесцовым) рекомендованы Советом по филологии УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебных пособий для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология».

В 1975 г. в диссертационном Совете при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова А. А. Бурцев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема ориентализма и развитие английского рассказа в конце XIX века», в 1990 г. там же – докторскую диссертацию на тему «Английский рассказ конца XIX–начала XX века: Проблемы типологии и поэтики». Через год в Межвузовском издательском центре в Иркутске эта работа была издана в виде монографии.

Этот научный труд подвинул вперед изучение сложившейся в английской литературе системы прозаических жанров, пополнив науку об английской художественной прозе исследованием малых эпических форм. Автором было осуществлено комплексное

исследование генезиса, типологии и поэтики английского короткого рассказа, рассмотренного в сложной диалектической связи общих тенденций развития жанра и его особенностей в творчестве целого ряда писателей – Стивенсона, Кипплинга, Конрада, Гарди, Голсуорси, Уэллса, Мэнсфилд, Джойса, Мозма. Английский рассказ в его контактах с русским и французским был введен в контекст мирового литературного процесса, были определены перспективы движения темы в «большом историческом времени».

С конца 1990-х–начала 2000-х гг. научные интересы Анатолия Алексеевича значительно расширились за счет обращения к сложной проблеме междилитературных связей. Его монографии «На крылатом коне. Якутская поэзия от А. Кулаковского до С. Тарасова» (1995, в соавторстве с д. филол. н. П. В. Максимовой), «Введение в историю якутской литературы» (2004), «Диалоги в едином пространстве мировой литературы: международные связи якутской литературы» (2004, в соавторстве с к. филол. н. А. М. Скрябиной) открывают новую страницу в якутском литературоведении, востребованную современностью. Сквозной концепцией этих трудов стала идея целостности мировой литературы. В 2007 г. вышла в свет монография А. А. Бурцева «Якутская классическая литература и современность», в которой с новых методологических позиций исследуется наследие классиков якутской литературы, утверждается актуальность изучения их художественных произведений, во многом носящих современный характер. Обширный материал творчества первых якутских писателей представлен на фоне русской и зарубежной литературы. Раскрытие классиками якутской литературы многовекового духовного опыта и исторической памяти родного народа сочетается с характерной для великой русской литературы «всемирной отзывчивостью». В 2009 г. А. А. Бурцев выпустил книгу «Там, где пасется Пегас...» (в соавторстве с к. филол. н. М. А. Бурцевой), посвященную современной якутской поэзии. В ней творчество крупнейших якутских поэтов тоже рассматривается не изолированно, только в национальном контексте, а на широком фоне русской и зарубежной литературы. В 2010 г. появилась монография «Якутские олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии» (в соавторстве с д. ист. н. А. И. Гоголевым).

В 2013 г. как закономерный итог его предшествующих изысканий Анатолием Алексеевичем созданы две капитальные монографии. В одной из них – «Шекспир и Ойунский: связь времен и диалог культур» (в соавторстве с М. А. Бурцевой) – художественное наследие одного из основоположников якутской литературы вписано в контекст мировой литературы. Типологические связи и параллели произведений Ойунского с памятниками эпоса и литературы выявлены путем сравнительно-сопоставительного и историко-функционального методов исследования. Рецепция Шекспира рассмотрена как историко-литературная проблема. В другой книге – «Классики и современники. Вершинные явления и избранные лики якутской литературы» – национальная литература рассмотрена, начиная с наследия ее зачинателей-классиков и кончая творчеством современных писателей. В поле зрения автора – художественное своеобразие и общечеловеческий пафос творений крупнейших представителей якутской литературы. Вхождение якутской литературы в единое пространство мировой культуры убедительно показано автором благодаря широте его кругозора, фундаментальному знанию ведущих процессов в развитии зарубежной, русской, якутской литератур. В 2015 г. опубликована книга «Великая традиция» якутской литературы. Творчество народных писателей», в которой исследуется наследие продолжателей заложенной основоположниками национальной литературы этой «великой традиции».

В последние годы Анатолий Алексеевич углубленно разрабатывает проблемы генезиса, типологии и поэтики жанров эпической прозы в якутской литературе. Так, в 2018 г. увидела свет его монография «Художественный мир якутского романа. Проблемы типологии и поэтики», а в 2019 г. вышла работа «Якутский рассказ XX века. Проблематика и поэтика жанра». Не забывает Анатолий Алексеевич и жанр учебного пособия. В соавторстве с М. А. Бурцевой он выпустил еще несколько учебных изданий: «Якутский роман от

Эрилик Эристина до Егора Неймохова» (2017), «Английская литературная сказка XIX–XX веков. Проблемы поэтики» (2020), «Английский готический рассказ XIX–XX веков. Проблемы поэтики» (2020). Кроме того, профессор А. А. Бурцев участвовал в ряде коллективных монографий: «Теория и практика формирования социально-экономического имиджа региона» (2007), «Русская классика в современном восприятии» (2008), «Республика Саха (Якутия) в годы распада СССР и формирования новой политической системы РФ» (2012), «Русская классика в контексте диалога культур» (2013), «Русские писатели о Якутии» (2016) и др.

Таким образом, А. А. Бурцев разработал новое направление в литературоведении – «Якутская художественная словесность в контексте русской и мировой литературы» – и создал соответствующую научную школу. Всего в его активе около 400 работ по английской, русской, якутской, американской, японской литературах, в том числе 18 монографий и 20 учебных пособий. Он участвовал в научных конференциях и симпозиумах в Оксфорде, Лондоне, Эдинбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове, Ташкенте, Бишкеке. Работы Анатолия Алексеевича получили известность в Великобритании, США, Японии и некоторых других странах. Им подготовлены семь кандидатов наук, а также он руководит магистерской программой. В 1993 г. А. А. Бурцев был избран действительным членом Академии наук Республики Саха (Якутия), а с 2004 по 2011 гг. он возглавлял Объединенный Ученый совет по гуманитарным наукам.

Работая проректором университета, А. А. Бурцев курировал инновационное направление в Программе развития СВФУ «Сохранение и развитие культуры народов Северо-Востока России», которое обеспечивается деятельностью новых структурных подразделений университета: Институтом языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Институтом зарубежной филологии и регионоведения, Институтом А. Е. Кулаковского, НИИ Олонхо, а также филологическим факультетом, на базе которого еще в 1991 г. была открыта кафедра языков народов Севера. Анатолий Алексеевич возглавлял Совет по развитию гуманитарного знания, был организатором целого ряда Международных и Всероссийских конференций.

Общественная работа профессора А. А. Бурцева включала деятельность в разные годы в качестве заместителя председателя Совета по языковой политике при Президенте РС (Я) в области сохранения, изучения и развития родных языков, члена диссертационного Совета по защите диссертаций по специальности «Литература народов России», члена редакционных коллегий нескольких журналов, председателя экспертной комиссии по филологическим наукам программы «Шаг в будущее».

Он был награжден «Орденом Дружбы» (2006), знаками «Отличник высшей школы СССР» (1990), «Гражданская доблесть» (2004), «380 лет Якутия с Россией» (2012). В 2002 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», в 2004 г. – «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В 2010 г. он стал лауреатом Государственной премии РС (Я) в области науки. В 2017 г. он был награжден Почетной грамотой Президента РФ. А. А. Бурцев является почетным профессором Байкальского государственного университета экономики и права, почетным гражданином Томпонского района Республики Саха (Якутия).

Его коллеги по кафедре русской и зарубежной литературы, весь коллектив филологического факультета, его ученики и друзья сердечно поздравляют Анатолия Алексеевича с замечательным юбилеем и желают ему доброго здоровья и творческого долголетия.

ТЕСЦОВ Сергей Валентинович – к. филол. н., доц. каф. русской и зарубежной литературы филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: s.v.testsov@mail.ru

Sergey V. TESTSOV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

In commemoration of the jubilee of the NEFU professor Anatoly Alexeevich Burtsev

S. V. Testsov

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

s.v.testsov@mail.ru

On the 14th of October 2024 we celebrate the 80th anniversary of Anatoly Alexeevich Burtsev – professor of the Russian and Foreign Literature department of The Philological Faculty. All his working, scientific and pedagogical activities are connected with the Higher School of the Sakha Republic (Yakutia). As a graduating student of The Yakutsk State University (1967) and a post-graduate of The Moscow State University (1975), he had passed in consecutive order all stages of the higher education career: from assistant of The Russian and Foreign Literature department (1967) through heading this chair (1987-2012), then leadership of The Philological Faculty of the Yakutsk State University (1988-1992, 2002-2010) to the post of pro-rector of the humanities direction of M.K. Ammosov NEFU.

As a lecturer A. A. Burtsev had worked out the courses of lectures on all divisions of «The History of Foreign Literature» from the classical literature to the modern world literature, including several special courses on the English literature. The great teacher's experience allowed him to prepare a cycle of the educational books, including three of them («The History of Foreign Literature. Part 1», 2007; «The History of the West-European Literature. Part 2», 2010, in co-authorship with colleagues O. I. Ivanova and S. V. Testsov) were recommended by The Council on philology of UMO on the classical university education as books for students of the institutes of higher education, studying on the speciality «Philology».

In 1975 in The Dissertation Council of M. V. Lomonosov Moscow State University A. A. Burtsev had defended candidate's dissertation on the theme called «The Problems of Orientalism» and development of the English short-story of the end of the Nineteenth century», and in 1990, also in Moscow, - doctoral dissertation on the theme «The English short-story of the Nineteenth – the beginning of the Twentieth century: The Problems of typology and poetics». In 1991 this book was edited as a monograph in the Inter-universities' edition centre in Irkutsk.

This scientific work had pushed forward studying of forming of system of the prosaic genres in the English literature, which filled up the science about the English prose by studying of the small epic forms. The author made a complex survey of the genesis, typology and poetics of the English short-story examined in the complex dialectic ties of the common tendencies of genre development and its peculiarities in the works of such authors as Stevenson, Kipling, Conrad, Hardy, Galsworthy, Wells, Mansfield, Joyce, Maugham. The English story in its contacts with the Russian and French ones was put in context of the world literary process, perspectives of movement of the theme in «the large historical time» were defined.

From the end of the 1990s – the beginning of the 2000s years the scientific interests of Anatoly Alexeevich had considerably broadened at the expens of addressing to the complicated problem of interliterary ties. His monograph «On the winged horse. The Yakut poetry from A. Kulakovsky to S. Tarasov (1995, in co-authorship with d. ph. s. P. V. Maximova), «The introduction to the Yakut literature» (2004, in co-authorship with c.ph.s. A. M. Scrybina) opens a new page in the Yakut literary criticism, that was claimed by contemporaneity. The idea of integrity of the world literature has become a concept of these works. In 2007 the monograph by A. A. Burtsev called «The Yakut classical literature and contemporaneity» was published, in which the author researched the heritage of the classics of the Yakut literature from the new methodologic positions, affirmed actuality of studying their artistic works, many of them having the modern character. The vast material of creative works of the first Yakut writers

is presented on the background of the Russian and Foreign literatures. The disclosing by the classics of the Yakut literature the centuries-old spirit experience and the historical memory of the native people go with typical for great Russian literature by «the whole responsiveness». In 2009 A. A. Burtsev had published the book named «There, where Pegasus is grazing...» (in co-authorship with c. ph. s. M. A. Burtseva), which is dedicated to the modern Yakut poetry. In this book the creative works of the prominent Yakut writers are also examined not isolated, only in the national context, but on the background of the Russian and Foreign literatures. In 2010 the monograph appeared called «The Yakut Olonkho in context of the mythology and epic poetry of the peoples of Eurasia» (in co-authorship with d. h. s. A. I. Gogolev).

In 2023 as a legislative sum of his previous investigations Anatoly Alexeevich created two fundamental monographs. In one of them – «Shakespeare and Oyunsky: the connection of times and dialogue of cultures» (in co-authorship with M. A. Burtseva) – the artistic heritage of one of founders of the Yakut literature is inserted in the context of the world literature. Typological connections and parallels of the works by Oyunsky with literary monuments of the epic literature are exposed by means of the comparative and historico-functional methods of investigation. Reception of Shakespeare is examined as the historico-literary problem. In the other book – «The classics and contemporaries. The top phenomena and selected faces of the Yakut literature» – the national literature is considered, beginning with the heritage of its initiator-classics and ending with the works of the modern writers. In the author's field of vision – the artistic originality and common human pathos of the works of the greatest representatives of the Yakut literature. Entering of the Yakut literature in united space of the world literature is convincingly shown by the author thanks to the breadth of his mental outlook, fundamental knowledge of the leading processes in development of the Foreign, Russian, Yakut literatures. In 2015 his new book was published. It was called «The great tradition» of the Yakut literature. The works of People's writers», in which the author investigated the heritage of the followers of the national literature of this «great tradition», which was laid by its founders.

During the last years Anatoly Alexeevich deeply worked out the problems of genesis, typology and poetics of genres of the epic prose in the Yakut literature. So, in 2018 his monograph «The artistic world of the Yakut novel. Problems of typology and poetics» was printed. In 2019 his next work «The Yakut story of the XX century. Problems and poetics of the genre» was published. Anatoly Alexeevich also do not forget the genre of educational manual. In co-authorship with M. A. Burtseva he published a few other educational editions: «The Yakut novel from Erilyk Eristyn to Egor Neimohov» (2017), «The English literary tale of XIX-XX centuries. Problem of poetics» (2020). Besides that, professor A. A. Burtsev took part in some collective monographs: «The theory and practice of forming the social-economic image of the region» (2007) «The Russian classic works in its modern perception» (2008), «The Republic of Sakha (Yakutia) in the years of break-up of the USSR and forming of the new political system of RF» (2012), «The Russian classic works in the context of dialogue of cultures» (2013), «The Russian writers about Yakutia» (2016) and others.

Thus, A. A. Burtsev had worked out the new direction in literary criticism – «The Yakut artistic literature in context of Russian and world literature» – and created corresponding scientific school. In total he had written about 400 works on the English, Russian, Yakut, American, Japanese literatures, including 18 monographs and 20 educational manuals. He took part in the scientific conferences and symposiums in Oxford, London, Edinburgh, Moscow, Saint-Petersburg, Kiev, Kharkov, Tashkent, Bishkek. The works of Anatoly Alexeevich are known in Great Britain, USA, Japan and some other countries. He had trained seven candidates of science and also ruled the magister's programme. In 1993

A. A. Burtsev was elected as a Full-Member of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), and from 2004 till 2011 years he was at the head of the Joint Academic Council on the humanities.

Working as a pro-rector of the university, A. A. Burtsev was a curator of the innovative direction in the Programme of the development of NEFU «The conservation and development of culture of the peoples of the North-East of Russia», which is provided by the activity of new structural divisions of the university: The Institute of languages and culture of the peoples of North-East of RF, The Institute of foreign philology and regional studying. The A. E. Kulakovsky Institute; The Institute of Olonkho, and also Philological faculty, on the base of which as early as in 1991 the chair of the languages of peoples of the North was opened. Anatoly Alexeevich headed the Council on the development of the humanities knowledge, and was the organizer of a number of the International and All-Russian conferences.

The public work of professor A. A. Burtsev included the activity in various years as a deputy of the chairman of the Council on study and development of the native languages, the member of The dissertation's Council on the defence of the dissertations on the speciality «The literature of the peoples of Russia», a member of the editorial boards of several magazines, the chairman of the expert commission on the philological science of the programme «A step in the future».

He was rewarded with «The Order of Friendship» (2006), the badges – «The excellent High School official of the USSR» (1990), «The civil valour» (2004), «380 years of Yakutia with Russia» (2012). In 2002 he was conferred rank «The Honoured Science Worker of the Republic of Sakha (Yakutia)», in 2004 – «The honorary worker of the higher professional education of the Russian Federation». In 2010 he had become a laureate of the State prize of the Republic of Sakha (Yakutia) in the sphere of science. In 2017 he was awarded by the Honorary diploma of the President of RF. A. A. Burtsev is the Honorary professor of the Baikal state university of economy and law, the Honorary citizen of the Tomponsky region of the Republic of Sakha (Yakutia).

His colleagues from the chair of Russian and foreign literature, the whole collective of the Philological faculty, his students and friends heartily congratulate Anatoly Alexeevich with the remarkable jubilee and wish him kind health and creative longevity.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
3 (15) 2024

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2024
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2024